

ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ ПОБЕДИТ ЗЛО

ВОЗНЕСЕНИЕ ЛАДШИЕ

ЛОРЕН КЕЙТ

Падшие

Лорен Кейт
Вознесение

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Кейт Л.

Вознесение / Л. Кейт — «Издательство АСТ», 2012 — (Падшие)

ISBN 978-5-17-116576-5

Как песок в песочных часах, истекает время Люс и Дэниела. Чтобы не дать Люциферу стереть их прошлое, они должны найти место, где давным-давно ангелы пали на землю. Темные силы следуют за ними по пятам, и Дэниел не знает, сможет ли он и дальше жить, теряя Люс снова и снова. Близится грандиозная битва, которая не обойдется без жертв – и без разбитых сердец. Любовь Люс и Дэниела проклята, ведь судьбой ей был предназначен другой. Выбор, который она сделает, определит исход сражения. Кто же останется победителем в битве за Люс? Небеса больше не могут ждать...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116576-5

© Кейт Л., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Благодарности	6
Пролог. Падение	7
Глава 1. Книга Стражей	9
Глава 2. Разные пути	20
Глава 3. Затонувшее святилище	28
Глава 4. Сделка вслепую	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лорен Кейт Вознесение

Lauren Kate
Rapture

© 2012 by Tinderbox Books Group, Inc., and Lauren Kate

© Е. Сибуль, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Посвящается Джейсону – без твоей любви все это было бы
невозможным*

Благодарности

Замечательно осознавать, что с каждой книгой благодарности растут. Я благодарна Майклу Стимсу и Теду Малаверу за то, что верили в меня, потакали мне, заставляли усердно работать. Венди Лоджи, Беверли Хоровитц, Кристе Витоле и отличной команде в Делапорт Пресс – вы помогали «Падшим» подниматься с самого начала и до конца. Анджеле Карлино, Барбаре Перрис, Чипу Гибсону, Джудит Хаут, Норин Херитц (я уже скучаю по тебе!), Рошану Нозари, Доминику Симины за то, как умело вы превратили мою историю в книгу.

Сандре Ван Мук и моим друзьям в Голландии, Набриелле Амброзини и Беатрис Мазини и Италии, Ширли Нг и команде МРН в Куала Лумпур. Рино Балатбат, Карле, Чэду, удивительной семье Рамос и суперским фанатам с Филиппин. Дороти Тон-кин, Джастину Рэтклиффу и гениальной команде Random House Australia, Ребекке Симпсон в Новой Зеландии. Ане Лима и Сесилии Брэнди, а также Record за прекрасное время в Бразилии, Лорен Кейт Беннет и милым девочкам в RHUK, Эми Фишер и Айрис Баразани за вдохновение в Иерусалиме. Какой отличный год со всеми вами – выпьем, чтобы таких было больше!

Моим читателям, которые каждый день показывают мне яркую сторону жизни. Спасибо.

Моей семье, за ваше терпение, доверие и чувство юмора. Моим друзьям, которые вытаскивали меня из моей писательской пещеры.

И, как всегда, Джейсону, который храбро заходил в пещеру, когда не получалось меня вытащить. Мне повезло, что вы все есть в моей жизни.

*Все тянется к разрушению,
Лишь наша любовь не тлеет...*

Джон Донн, «Годовщина»

Пролог. Падение

Сначала была тишина...

В пространстве между Небесами и Землей, в неизведанной дали, наступил момент, когда чарующий шум Рая исчез, и его сменила тишина, такая глубокая, что душа Дэниела не могла слышать ни звука.

Потом появилось ощущение падения – стремительного полета вниз, которому не могли сопротивляться даже его крылья, словно Трон прицепил к ним многие луны. Они едва трепыхались, а если и делали взмахи, то это никак не влияло на движение.

Куда он направлялся? Перед ним не было ничего, как и позади него. Пустота наверху, пустота внизу.

Лишь густая тьма и размытые очертания того, что осталось от души Дэниела.

В отсутствие звука обострилось воображение. Оно наполнило голову чем-то большим, чем звук. Чем-то, от чего нельзя убежать: преследующими его словами из проклятия Люсинды.

Она умрет... Она никогда не повзрослеет, будет умирать снова и снова в тот момент, когда вспомнит твой выбор.

Вы никогда по-настоящему не будете вместе.

Это было злобное проклятие Люцифера, его горькое дополнение к приговору Трона, произнесенному на Небесных Лугах. Теперь смерть шла за его любовью. Мог ли Дэниел остановить это? Узнает ли он ее вообще?

Да и что ангел может знать о смерти? Дэниел видел, как она мирно приходила к некоторым из новой породы смертных, которых называли людьми, но смерть никогда не касалась самих ангелов.

Смерть и юность – две главные части проклятия Люцифера. Ничто из них не имело значения для Дэниела. Он лишь знал, что разлука с Люсиндой – не то наказание, которое он мог бы вынести. Они должны быть вместе.

– Люсинда! – крикнул он.

Его душа должна была потеплеть от одной лишь мысли о ней, но там, где она раньше была, ощущалась лишь болезненная пустота.

Он должен был ощущать вокруг себя братьев – всех тех, кто сделал неправильный выбор или сделал его слишком поздно, кто не стал выбирать вообще и был изгнан за нерешительность. Он знал, что не был один *на самом деле*. Так много их упало вниз, когда облачная почва разверзлась под ними, открывая пустоту.

Но он не видел и не чувствовал никого.

До этого момента он никогда не был одинок. А теперь ощущал себя последним ангелом во всех мирах.

Не нужно таких мыслей. Потеряешь себя.

Он пытался думать о... Люсинде, переключке, Люсинде, выборе... но чем дольше он падал, тем сложнее ему становилось вспоминать. Какими, например, были последние слова, произнесенные им перед Троном...

Врата Небес...

Врата Небес...

Он не помнил, что было дальше, лишь смутное ощущение яркого света и жестокого холода, промчавшегося по Лугу. Деревья в Саду упали друг на друга, вызывая волны дрожи по всему космосу, облака превратились в цунами, поглотившее ангелов и разрушившее их сияние. Было еще что-то до уничтожения Луга, нечто похожее на...

Раздвоение.

Яркий как молния ангел взлетел наверх во время переключки – и сказал, что он Дэниел из будущего.

Грусть была в его глазах, казавшихся такими...

Старыми. Этот ангел – эта версия души Дэниела – сильно ли она страдала?

А Люсинда?

Огненная ярость всколыхнулась в Дэниеле. Он найдет Люцифера, ангела, который стоит за крушением всех планов. Дэниел не боялся предателя, что раньше звался Утренней Звездой.

Неважно, где и когда всему этому забвению придет конец, но Дэниел отомстит. Но сначала он найдет Люсинду, ведь без нее все это не имело значения. Без ее любви все это было бы невозможным.

Из-за их любви он даже не стал выбирать между Люцифером и Троном. Он был способен выбрать лишь ее сторону. И теперь Дэниел заплатит за этот выбор. Он еще не знал, каким именно будет его наказание. Но он точно знал, что Люсинды больше нет там, где она должна быть всегда, – рядом с ним.

Боль от разлуки с его родной душой внезапно пробежала по Дэниелу, резкая и жестокая. Он безмолвно простонал, а его разум затуманился, но самое пугающее, что неожиданно он не смог вспомнить *почему*.

Он все падал и падал вниз, сквозь плотную тьму.

Он больше не мог ни видеть, ни ощущать, ни вспомнить, как очутился здесь, *нигде*, падая сквозь *ничто*. Куда? Как долго?

Его память вспыхнула и погасла. Было все сложнее вспомнить слова, произнесенные ангелом на белом лугу, который был так похож на...

На кого был похож тот ангел? И что такого важного он сказал?

Дэниел не знал. Он больше ничего не знал.

Только лишь то, что падал в бесконечной пустоте.

Он должен был найти что-то... кого-то.

Должен был снова стать цельным...

Но здесь была лишь темнота в темноте...

Тишина затопляла его мысли...

Ничто, бывшее *всем*.

Дэниел упал.

Глава 1. Книга Стражей

– Доброе утро.

Теплая рука коснулась лица Люс и заправила выбившуюся прядь ей за ухо.

Перевернувшись на бок, она зевнула и открыла глаза. Она крепко спала, и ей снился Дэниел.

– Ох, – ахнула она, трогая свою щеку. Вот и он сам.

Дэниел сидел рядом с ней. На нем был черный свитер и все тот же красный шарф, который окутывал его шею в тот день, когда она в первый раз увидела его в «Мече и Кресте». Он выглядел еще лучше, чем во сне.

Под его весом край кровати просел немного, и Люсинда подтянула к себе ноги, чтобы поуютнее устроиться рядом.

– Ты не сон, – сказала она.

Глаза Дэниела казались более блеклыми, чем обычно, но по-прежнему сияли ярко-лиловым. Он вглядывался в ее лицо, изучал ее черты, словно рассматривая их заново. Затем наклонился и припал своими губами к ее.

Люс прижалась к нему, обхватив руками за шею, готовая ответить на поцелуй. Не имело значения, что зубы не чищены, что волосы взлохмачены после сна. Ничто не имело значения, кроме его поцелуя. Сейчас они были вместе и не могли перестать улыбаться.

Потом вернулись воспоминания.

Острые как бритва когти и тусклые красные глаза. Тошнотворный смрад смерти и гниения. Повсюду тьма, такая плотная и губительная, что свет, любовь и все хорошее в мире казалось вымученным, сломанным и мертвым.

Сейчас невозможно и представить, что Люцифер раньше был для нее кем-то другим... Биллом, вспыльчивой каменной горгульей, которую она по ошибке приняла за друга и которая на самом деле оказалась Люцифером...

Она позволила ему подобраться слишком близко, а теперь из-за того, что она не выполнила его желание – не уничтожила свою душу в Древнем Египте, – он решил начать все с чистого листа.

Исказить время и стереть все с самого Падения.

Каждая жизнь, каждая любовь, каждое мгновение, которые прожили души ангелов и простых смертных, будут смяты и выкинуты по безрассудной прихоти Люцифера, словно вселенная – это настольная игра, а он – капризный ребенок, психующий из-за проигрыша. Но Люс понятия не имела, что он хотел выиграть.

Она ощутила жар на коже, вспомнив его гнев. Он хотел, чтобы она увидела его, чтобы дрожала в его руке, пока он возвращал ее ко времени Падения. Чтобы поняла, что для него это личное дело.

Потом он отшвырнул ее в сторону, используя вестник словно сеть, чтобы схватить всех ангелов, упавших с Небес.

Когда Дэниел подхватил ее в этой межзвездной пустоте, Люцифер исчез, тем самым запустив Падение заново. Он падал вместе с остальными ангелами, включая старую версию его самого. Как и все, Люцифер упадет в бессильном одиночестве – с братьями, но сам с собой. Все вместе, но каждый отдельно. Миллиарды лет назад ангелам понадобилось девять смертных дней, чтобы упасть с Небес на Землю. Второе Падение Люцифера повторяло тот же путь, а значит, у Люс, Дэниела и остальных было лишь девять дней, чтобы остановить его.

Если они этого не сделают, то как только Люцифер и его вестник, полный ангелов, упадут на Землю, произойдет скачок во времени, который отбросит мир до Первого Падения, и все начнется заново. Словно семи тысяч лет между прошлым и настоящим никогда и не было.

Словно Люс не начала наконец понимать проклятие, осознавать свое место среди всего этого, узнавать, кем была и кем могла бы быть.

История и будущее мира были в опасности – если только Люс, семь ангелов и двое нефилимов не смогут остановить Люцифера. У них оставалось девять дней, и они понятия не имели, с чего начать.

Люс так устала прошлой ночью, что не помнила, как легла в постель и натянула тонкое голубое одеяльце на плечи. На стенах маленькой хижины висела паутина, складной столик был заставлен полупустыми чашками горячего шоколада, который Гэбби приготовила для всех вчера вечером. Но все это казалось сном для Люс. Ее полет вниз из вестника на крошечный остров Тайби, эту безопасную зону для ангелов, был затуманен ослепляющей усталостью.

Она заснула, пока другие еще разговаривали. Позволила голосу Дэниела убаюкать ее. Теперь в домике царила тишина, а в окне за спиной Дэниела серебрилось предзвездное небо.

Она протянула руку и коснулась его щеки. Он повернул голову и поцеловал ее ладонь. Люс крепко зажмурилась, чтобы не заплакать. Почему после всего, через что они прошли, Люс и Дэниелу нужно было сначала победить дьявола, прежде чем они смогут просто любить друг друга?

– Дэниел, – раздался голос Роланда из дверного проема домика. Роланд засунул руки в карманы бушлата, а на его дреды была надета шерстяная лыжная шапка. Он послал Люс усталую улыбку. – Пришло время.

– Время для чего? – Люс приподнялась на локтях. – Мы уходим? Уже? Я хотела увидеться напоследок с родителями. Они, должно быть, в ужасе.

– Я думал доставить тебя к ним домой прямо сейчас, – сказал Дэниел, – чтобы ты попрощалась.

– Но как я объясню свое исчезновение после ужина в День Благодарения?

Она вспомнила слова Дэниела, произнесенные прошлой ночью: хотя казалось, что они пробыли в вестнике вечность, в этой реальности прошло всего несколько часов.

И все же для Гарри и Дорин Прайс несколько часов отсутствия дочери *могли быть* вечностью.

Дэниел и Роланд обменялись взглядами.

– Мы об этом позаботились, – сказал Роланд, передавая Дэниелу связку ключей от машины.

– Как вы об этом позаботились? – спросила Люс. – Мой папа однажды позвонил в полицию, когда я на полчаса опоздала из школы...

– Не волнуйся, малышка, – сказал Роланд. – Мы прикрыли тебя. Тебе нужно просто быстренько переодеться. – Он показал на рюкзак в кресле-качалке у двери. – Гэбби принесла твои вещи.

– Эм, спасибо, – сказала она, смутившись. – Где сама Гэбби?

Где были все остальные? Прошлой ночью домик был полон людей, казался уютным благодаря сиянию ангельских крыльев и запаху горячего шоколада с корицей. Воспоминания об этом уюте, грядущее прощание с родителями и то, что она не знала, куда отправится дальше, наполняли это утро ощущением пустоты.

Деревянный пол казался грубым под ее босыми ногами.

Она опустила взгляд и поняла, что на ней все еще надето белое тесное платье из Египта и ее последней жизни, в которой она побывала через вестник. Билл заставил надеть это.

Нет, не Билл. *Люцифер*. Он одобрительно ухмыльнулся, когда она засовывала звездную стрелу за пояс, раздумывая о том, каким способом он советовал ей уничтожить свою душу.

Никогда, никогда, никогда. У Люс было слишком много причин для жизни.

Внутри зеленого рюкзака, который она брала с собой в летний лагерь, Люс нашла свою любимую пижаму – аккуратно сложенный красно-белый фланелевый костюм, а снизу лежали подходящие белые тапочки.

– Но уже утро, – сказала Люс. – Для чего мне пижама? – Дэниел снова обменялся взглядом с Роландом, на этот раз стараясь не рассмеяться.

– Просто доверься нам, – сказал Роланд.

Одевшись, Люс вышла следом за Дэниелом из домика, прячась от ветра за его широкой спиной, пока они шли по каменистому берегу к воде.

Крошечный остров рядом с Тайби был примерно в миле от побережья Саванны. Роланд пообещал, что на другом берегу будет ждать машина.

Крылья Дэниела были спрятаны, но он будто почувствовал, что она смотрит в то место у него на спине, из которого они раскрываются.

– Когда разберемся с этим, полетим куда угодно, чтобы остановить Люцифера. А до этого момента лучше оставаться на земле.

– Ладно, – ответила Люс.

– Наперегонки на ту сторону?

Ее выдох превратился в облачко пара в морозном воздухе.

– Ты знаешь, я смогу победить тебя.

– Твоя правда. – Он обвил рукой ее талию, чтобы согреть. – Возможно, тогда нам лучше взять лодку. Чтобы не задеть мое раздутое самонимение.

Она наблюдала за тем, как он отвязывает от причала маленькую железную лодку. Легкое сияние воды напомнило ей тот день, когда они наперегонки поплыли через тайное озеро в «Мече и Кресте». Его кожа блестела, когда они остановились передохнуть на плоском выступе скалы в середине пути и лежали на горячем от солнца камне, позволяя дневной жаре высушить их тела. Тогда они были едва знакомы – она не знала, что он ангел, и все равно была отчаянно влюблена в него.

– Мы плавали вместе и в моей жизни на Таити, так ведь? – спросила она, с удивлением вспомнив еще один раз, когда волосы Дэниела сияли от воды.

Дэниел уставился на нее, и она подумала, как много значило для него наконец иметь возможность поделиться некоторыми воспоминаниями об их прошлом. Он казался очень расстроганным, Люс даже подумала, что он прослезится.

Вместо этого он нежно поцеловал ее в лоб и сказал:

– Тогда ты тоже постоянно обгоняла меня, Лулу. Они особо не разговаривали, пока Дэниел греб.

Люс было достаточно наблюдать за тем, как двигались его напряженные мышцы с каждым гребком, слушать, как весла опускаются в воду и поднимаются обратно, и вдыхать соленый воздух океана. Солнце вставало у нее над головой, согревая затылок, но это не мешало мурашкам пробежать по ее спине, когда они приблизились к материку и Люс смогла разглядеть берег.

Она мгновенно узнала белый «Тaurus 1193».

– Что не так? – Дэниел заметил, как напряглась Люс, когда лодка коснулась берега. – А, это.

Он был спокоен, выпрыгивая из лодки и протягивая руку Люс. В воздухе пахло сырой землей от рыхлой почвы под ногами. Это напомнило Люс, как в детстве она бегала по осенним лесам Джорджии в поисках приключений и пыталась где-нибудь напакоить.

– Это не то, о чем ты думаешь, – сказал Дэниел. – Когда София сбежала из «Меча и Креста» после... – Люс вздрогнула в ожидании, надеясь, что Дэниел не скажет «после того, как она убила Пенни», – после того, как мы узнали, кто она в действительности, ангелы конфисковали ее машину. – Выражение его лица стало жестче. – Она должна нам намного больше этого.

Люс подумала о бледном лице Пенн, когда жизнь вытекала из нее.

– Где теперь София?

Дэниел покачал головой.

– Не знаю. Но боюсь, что вскоре это выяснится. У меня есть предчувствие, что она подпортит наши планы. – Он вытащил ключи из кармана и вставил один из них в пассажирскую дверь.

– Но тебе не нужно об этом беспокоиться прямо сейчас.

Люс взглянула на него, опутившись на серое тканевое сиденье.

– А о чем мне беспокоиться прямо сейчас? – Дэниел повернул ключ зажигания, и машина, вздрогнув, ожила. В последний раз, когда Люс была на этом сиденье, она волновалась из-за того, что они остались наедине. Это была первая ночь, когда они поцеловались, – по крайней мере, так она думала тогда.

Люс пристегивала ремень, когда почувствовала, что Дэниел коснулся ее пальцев.

– Не забывай, – мягко сказал он и потянулся застегнуть ей ремень, задержавшись на ее руке чуть дольше обычного. – Нам придется схитрить. – Он поцеловал ее в щеку, а потом дал задний ход и выехал из сырой рощи на узкую асфальтовую дорогу в две полосы. Там никого не было, кроме них.

– Дэниел? – снова спросила Люсинда. – О чем еще мне нужно волноваться?

Он бросил взгляд на пижаму Люс.

– Насколько хорошо ты притворяешься больной?

Белый «Таурус» ждал в переулке за домом ее родителей, пока Люс пробиралась мимо трех азалий под окном ее спальни. Летом здесь были бы кусты помидоров, тянущиеся из-под черной земли, но зимой дворик казался пустым и жутковатым и совсем не напоминал жилой дом. Она не могла вспомнить, когда в прошлый раз стояла здесь. Она трижды сбегала из разных закрытых школ, но ни разу из дома родителей. Теперь она пыталась пробраться домой, но не знала, как открыть окно. Люс окинула взглядом свой район: на краю родительской лужайки, как обычно, лежали утренние газеты в пластиковых пакетах, покрытых росой; на другой стороне улицы на подъездной дорожке Джонсонов так же стояло старое баскетбольное кольцо без сетки. Ничего не изменилось с тех пор, как она ушла. Ничего, кроме самой Люс. Исчез бы этот район, если бы план Билла увенчался успехом?

Она в последний раз помахала Дэниелу, наблюдавшему из машины, сделала глубокий вдох и приподняла нижнюю часть окна над подоконником в потрескавшейся синей краске.

Окно сразу поддалось. Кто-то внутри уже убрал москитную сетку. Люс пораженно замерла, когда белые муслиновые занавески распахнулись и между ними появилась наполовину белая, наполовину черная голова Молли Зейн, которая когда-то считалась ее врагом.

– Что такое, Котлетка?

Люс ощетинулась, услышав прозвище, которое получила в первый день в «Мече и Кресте». Это имели в виду Дэниел и Роланд, когда сказали, что позаботились обо всем дома?

– Что ты здесь делаешь, Молли?

– Давай, я не кусаюсь. – Молли протянула руку.

Ее короткие ногти были изумрудного цвета.

Она подала руку Молли, нагнулась и залезла внутрь, перекинув ноги через подоконник. Ее спальня казалась маленькой и старомодной, словно принадлежала какой-то старой Люс. На задней стороне двери был постер Эйфелевой башни в рамке. Доска с лентами команды по плаванию из начальной школы Тандерболт. И под зелено-желтым пуховым одеялом с гавайским принтом была ее лучшая подруга Келли.

Келли выбралась из-под одеяла, обогнула кровать и кинулась в объятия Люс.

– Они говорили мне, что с тобой все будет в порядке, но таким лживым «мы тоже очень испуганы, просто ничего не собираемся тебе объяснять» тоном. Ты хоть понимаешь, насколько жутко все это было? Словно ты просто физически пропала с лица Земли...

Люс крепко обняла ее. По мнению Келли, Люс отсутствовала всего лишь одну ночь.

– Ладно, вы двое, – проворчала Молли, оторвав Люс от Келли, – можете покричать «о боже мой» попозже. Я не для того всю ночь лежала в твоей кровати в этом дешевом искусственном парике, играя Люс с желудочным гриппом, чтобы вы сейчас все испортили. – Она закатила глаза. – Дилетанты.

– Подожди. Ты делала *что*? – спросила Люс.

– После того... как ты исчезла, – запнувшись, сказала Келли. – Мы знали, что никогда не сможем объяснить это твоим родителям. Да я сама едва могла это понять, даже увидев собственными глазами. Когда Гэбби привела в порядок задний двор, я сказала твоим родителям, что тебе нехорошо и ты отправилась в постель, а Молли притворилась тобой и...

– Повезло, что я нашла вот это в шкафу. – Молли прокрутила на пальце черный волнистый парик. – Осталось с Хеллоуина?

– Чудо-женщина, – поморщилась Люс, уже не впервые жалея о своем хеллоуинском костюме в средней школе.

– Ну, это сработало.

Было странно видеть, как Молли, которая раньше была на стороне Люцифера, помогает ей. Но даже Молли, как и Кэм с Роландом, не хотела повторить Падения. И вот все они здесь, странная команда.

– Ты прикрыла меня? Не знаю, что и сказать. Спасибо.

– Да не за что. – Молли кивнула в сторону Келли, отмахиваясь от благодарности Люс. – Она была настоящим сладкоречивым дьяволом. Благодарю ее. – Она высунула ногу из открытого окна и развернулась. – Думаете, теперь справитесь без меня? У меня встреча в закуской.

Люс показала Молли два больших пальца и плюхнулась на кровать.

– Ох, Люс, – прошептала Келли, – когда ты исчезла, весь твой задний двор покрылся серой пылью. А эта блондинка, Гэбби, провела рукой, и все исчезло. Потом мы сказали, что ты приболела, и все отправились домой, а мы пошли мыть посуду с твоими родителями. Сначала я подумала, что эта Молли была ужасна, но она оказалась классной. – Она сузила глаза. – Но куда ты делась? Что с тобой случилось? Ты правда испугала меня, Люс.

– Не знаю даже, с чего начать, – заметила Люс.

Послышался стук, а за ним последовал знакомый скрип открывающейся двери.

Мама Люс стояла в коридоре, ее взлохмаченные после сна волосы были собраны бананово-желтой заколкой, на красивом лице не было макияжа. Она держала плетеный поднос с двумя стаканами апельсинового сока, двумя тарелками тостов с маслом и пачкой алка-зельтцера.

– Кажется, кому-то лучше. – Люс подождала, пока мама не опустит поднос на ночной столик, потом обняла ее за талию и зарылась лицом в розовый махровый халат. Ее глаза жгли слезы. Она всхлипнула.

– Моя девочка, – сказала мама и потрогала лоб и щеки Люс, проверяя, нет ли температуры. Обычно она уже не говорила с Люс таким ласковым тоном, но было приятно его слышать.

– Я люблю тебя, мама.

– Не говори мне, что она слишком больна для Черной Пятницы. – В дверном проеме появился папа Люс, держа зеленую пластиковую лейку. Он улыбался, но за очками без оправы виднелось беспокойство.

– Мне лучше, – сказала Люс. – Но...

– Ох, Гарри, – сказала мама Люс. – Ты же знаешь, она могла провести у нас только один день. Ей нужно вернуться в школу. – Она повернулась к Люс. – Недавно позвонил Дэниел,

милая. Он сказал, что может забрать тебя и отвезти в «Меч и Крест». Я ответила, что мы с твоим отцом, конечно же, будем рады, но...

– Нет, – быстро сказала Люс, вспоминая детали плана Дэниела, рассказанного в машине. – Хотя я и не могу поехать, вы, ребята, все равно должны отправиться на шопинг в Черную Пятницу. Это же семейная традиция Прайсов.

Все согласились, что Люс поедет с Дэниелом, а ее родители отвезут Келли в аэропорт. Пока девочки ели, родители Люс сидели на краю кровати и говорили о Дне Благодарения. («Гэбби отполировала весь фарфор в доме – какой ангел»). К тому времени как они дошли до распродаж Черной Пятницы, за которыми они охотились («Твоему отцу нужны лишь инструменты»), Люс поняла, что не произнесла ничего, кроме пустых «ага» или «что, правда?».

Когда ее родители наконец встали, чтобы отнести тарелки на кухню, а Келли начала паковать вещи, Люс пошла в ванную и закрыла дверь.

Она словно оказалась наедине с собой впервые за миллионы лет. Люс уселась на стульчик и посмотрела в зеркало.

Там была она же, но другая. Конечно, на нее смотрела Люсинда Прайс. Но также...

В полноте ее губ была Лайла, в густых волнистых волосах Лулу, Лю Синь в настойчивости ее карих глаз, Лючия в их блеске. Она была не одна. Возможно, она больше никогда не будет одна. Там, в зеркале видны все реинкарнации Люсинды, смотрящие на нее и гадающие: «Что с нами будет?»

С нашей историей и любовью?

Она приняла душ и надела чистые джинсы, сапоги для верховой езды и длинный белый свитер. Люс уселась на чемодан Келли, пока ее подруга пыталась его застегнуть.

Тишина между ними была оглушающей.

– Ты моя лучшая подруга, Келли, – наконец сказала Люс. – Я проживаю то, чего не понимаю. Мне жаль, что я не могу рассказать тебе обо всем подробнее, но дело не в тебе. Я скучала по тебе. Так скучала.

Плечи Келли напряглись.

– Раньше ты мне обо всем рассказывала. – Но взгляды, которыми они обменялись, говорили о том, что обе и так знали – это больше невозможно.

Перед домом хлопнула дверь машины.

Через открытые жалюзи Люс видела, как Дэниел направляется по дорожке к дому ее родителей. И хотя прошло меньше часа с тех пор, как он высадил ее здесь, Люс почувствовала, как ее сердце начинается биться чаще, а щеки пылают при виде его. Он шел медленно, словно летел, а красный шарф развевался за ним на ветру. Даже Келли уставилась на него.

Родители Люс собрались в гостиной вместе с ними. Она обняла их по очереди и долго держала в объятиях – сначала папу, потом маму, затем Келли, которая крепко сжала ее и быстро прошептала:

– То, что я видела прошлой ночью – как ты ступаешь в тот... ту *тьень*, было прекрасно. Я просто хочу, чтобы ты знала это.

Люс ощутила, что ее глаза снова жжет. Она тоже крепко обняла Келли и прошептала.

– Спасибо тебе.

Потом она прошла по дорожке навстречу Дэниелу и всему, что их ждет.

– Вот вы где, голубки, которые делают то, что и подобает голубкам, – пропела Арриана, высовывая голову из-за длинного шкафа с книгами. Она сидела, скрестив ноги, на деревянном библиотечном стуле, жонглируя парой мячей для игры в сокс. На ней был комбинезон, военные ботинки, а темные волосы заплетены в крошечные косички.

Люс была очень рада снова оказаться в библиотеке «Меча и Креста». Ее отремонтировали после пожара, но в ней все еще пахло так, словно здесь горело что-то большое и неприятное. Преподаватели объяснили пожар случайностью, но один человек погиб – Тодд, тихий

студент, с которым они были едва знакомы до ночи его смерти, и Люс поняла, что за этой историей скрывается нечто более темное. Она винила себя. Это слишком напоминало ей о Треворе, парне, в которого она когда-то была влюблена и который погиб в другом необъяснимом пожаре.

Они с Дэниелом завернули за шкаф, направляясь в учебную зону библиотеки, и Люс заметила, что Арриана не одна. Они все были здесь: Гэбби, Роланд, Кэм, Молли, Аннабель – ангел с длинными ногами и ярко-розовыми волосами, – даже Майлз и Шелби, которые возбужденно махали ей и явно отличались от остальных ангелов, так же как и от смертных подростков.

Майлз и Шелби... *держались за руки?*

Но когда она снова взглянула туда, их руки уже исчезли под столом, за которым все сидели. Майлз натянул пониже свою бейсбольную кепку. Шелби прочистила горло и склонилась над книгой.

– Твоя книга, – сказала Люс Дэниелу, заметив толстый переплет с коричневым осыпающимся клеем внизу. На выцветшей обложке было написано: «Стражи: Миф Средневековой Европы» Дэниела Григори.

Ее рука машинально потянулась к блеклым серым страницам. Люс закрыла глаза, вспомнив о Пенн, которая нашла эту книгу в последнюю ночь пребывания Люс в «Мече и Кресте» в качестве ученицы. Фотография под обложкой книги была первым доказательством, убедившим ее, что Дэниел мог рассказывать правду об их истории.

Эта была фотография, сделанная в другой жизни в Хелстоне, в Англии. И хотя такого просто не могло быть, юная девушка на фотографии без сомнения была сама Люс.

– Где ты нашла ее? – спросила она.

Должно быть, голос ее выдал, потому что Шелби спросила:

– Как бы то ни было, что такого в этой старой пыльной штуке?

– Она бесценна. Теперь это наш единственный ключ, – сказала Гэбби. – София однажды уже пробовала ее сжечь.

– София? – Рука Люс метнулась к сердцу. – Она пыталась... пожар в библиотеке ее рук дело? – Остальные кивнули. – Она убила Тодда, – бесцветным голосом сказала Люс.

Это не было виной Люс. Еще одна жизнь, отнятая Софией. От этого совсем не стало лучше.

– И она чуть не умерла от шока той ночью, когда ты показала ей книгу, – заметил Роланд. – Мы все были потрясены. Особенно тем, что ты выжила и смогла рассказать об этом.

– Мы говорили о том, что Дэниел поцеловал меня, – вспомнила Люс, краснея. – И о том, что я это пережила. Это удивило мисс Софию?

– Частично, – сказал Роланд. – Но в этой книге есть много такого, о чем София не хотела тебе сообщать.

– Из нее вышел бы плохой учитель, – пошутил Кэм, одаривая Люс ухмылкой, говорящей «кого я вижу».

– Что именно я не должна была узнать? – Все ангелы повернулись, чтобы посмотреть на Дэниела.

– В последнюю ночь мы рассказали тебе, что никто из ангелов не помнит, куда мы приземлились, когда упали, – сказал Дэниел.

– Да, кстати... Как такое возможно? – спросила Шелби. – События вроде этого должны оставить хоть какие-то впечатления.

Лицо Кэма покраснело.

– Попробуй падать девять дней сквозь многочисленные измерения и триллионы миль, приземляясь на лицо, ломая крылья, валяясь с сотрясением мозга черт знает сколько, гуляя в пустыне десятилетиями в поисках ответа на то, кто ты, что ты и где ты, а потом расскажешь мне о впечатлениях.

– Ладно, у вас проблемы с памятью, – сказала Шелби голосом психоаналитика. – Если бы я ставила вам диагноз...

– Ну, по крайней мере ты помнишь, что там была пустыня, – дипломатично заметил Майлз, и Шелби рассмеялась.

Дэниел повернулся к Люс.

– Я написал эту книгу после того, как потерял тебя в Тибете... но до встречи в Пруссии. Я знаю, что ты возвращалась в ту жизнь в Тибете, потому что следовал за тобой, так что, возможно, ты поймешь. Потеряв тебя там, я начал долгие годы исследований и поисков способа выбраться из этого проклятия.

Люс отвернулась.

Ее смерть в Тибете заставила Дэниела прыгнуть с обрыва. Она боялась, что это снова произойдет.

– Кэм прав, – сказал Дэниел. – Никто из нас не помнит, где приземлился. Мы бродили по пустыне, пока она не переставала таковой быть. Мы бродили по равнинам, долинам и морям, пока они снова не превращались в пустыню. Только когда мы нашли друг друга и стали восстанавливать историю по кусочкам, то вспомнили, что все когда-то были ангелами.

– Но есть артефакты, созданные после нашего Падения, физические свидетельства нашей истории, которые человечество нашло и хранило как сокровище. Они принимают их за дары от бога, который для них загадка. Очень долго три реликвии были захоронены в храме Иерусалима, но во время Крестовых походов их украли и растащили по разным местам. Куда именно – никто из нас не знает.

– Ну, я провел свое исследование несколько сотен лет назад и сосредоточился на Средневековье. Я изучил все возможные источники во время своей охоты за этими якобы божественными сокровищами, – продолжил Дэниел. – В общем, три этих артефакта можно собрать вместе на горе Синай...

– Почему именно на этой горе? – спросила Шелби.

– Связь между Троном и Землей там прочнее всего, – объяснила Гэбби, откинув волосы назад.

– Там Моисей получил Десять Заповедей, и именно там появляются ангелы, когда приносят послания от Трона.

– Можно подумать, будто бог открыл себе кафешку, – сказала Арриана, подкидывая мяч для сокса слишком высоко в воздух, так что он перелетел над лампой.

– Но прежде чем кто-то спросит, – сказал Кэм, выделив Шелби взглядом, – гора Синай – это не место всеобщего приземления после Падения.

– Было бы слишком легко, – сказала Аннабель.

– Но если собрать там все реликвии, – продолжил Дэниел, – тогда, теоретически, можно будет узнать и о месте приземления.

– Теоретически, – ухмыльнулся Кэм. – Неужели я должен быть единственным, кто скажет, что правдивость исследований Дэниела под вопросом...

Дэниел сжал челюсти.

– У тебя есть идея получше?

– Тебе не кажется, – Кэм повысил голос, – что твоя теория придает слишком много значения реликвиям, ценность которых может оказаться простой сказкой? Кто знает, действительно ли они сделают то, что якобы должны? – Люс посмотрела на группу ангелов и демонов – ее единственных союзников в попытке спасти себя, Дэниела... и мир. – И в этом сомнительном месте мы должны оказаться через девять дней.

– *Меньше*, чем девять, – сказал Дэниел. – Через девять дней будет слишком поздно. Люцифер и армия ангелов, изгнанных с Небес, уже прибудут на место.

– Но если мы успеем туда до Люцифера, – спросила Люс, – что тогда?

Дэниел покачал головой.

– Никто не знает. Я никому не рассказывал об этой книге, потому что Кэм прав. Я не знаю, к чему это приведет. Я вообще лишь много лет спустя узнал, что Гэбби ее опубликовала. К тому времени я потерял интерес к исследованию. Ты снова умерла, а когда тебя не было рядом, и ты не могла сыграть свою роль...

– *Свою* роль? – спросила Люс.

– Которую мы тоже пока что не понимаем до конца. – Гэбби толкнула Дэниела локтем, прерывая его. – Он хочет сказать, что мы разберемся по ходу дела.

Молли ударила себя по лбу ладонью.

– Правда? «Разберемся по ходу дела»? И это единственное, что вы, ребята, знаете точно? На это вы полагаетесь?

– На это и твою значимость – сказал Кэм, поворачиваясь к Люс. – *Ты* – та шахматная фигура, за которую здесь сражаются силы добра и зла.

– Что? – прошептала Люс.

– Заткнись, – внимание Дэниела обратилось к Люс. – Не слушай его.

Кэм фыркнул, но никто не обратил на это внимания. Его слова повисли в комнате как незванные гости. Ангелы и демоны молчали. Никто больше не собирался распространяться о роли Люс в предотвращении Второго Падения.

– Так вся информация про поиски реликвий, – сказала она, – в этой книге?

– Вроде того, – ответил Дэниел. – Мне просто нужно взглянуть на текст и освежить память. Надеюсь, я пойму, с чего нам начать. – Остальные отодвинулись, чтобы освободить Дэниелу место за столом. Люс почувствовала, как пальцы Майлза коснулись задней части ее руки.

Они едва обмолвились хоть словом с тех пор, как она вернулась из вестника.

– Мы можем поговорить? – тихо спросил Майлз. – Люс? – Его напряженное выражение лица заставило Люс вспомнить о тех последних минутах на заднем дворе ее родителей, когда Майлз уничтожил ее отражение.

Они так и не поговорили о поцелуе на крыше ее общежития в «Прибрежной».

Конечно же, Майлз знал, что это было ошибкой, – но почему Люс казалось, что она обманывала его каждый раз, когда была с ним милой?

– Люс... – Гэбби появилась рядом. – Думаю, мне стоит упомянуть, – она бросила взгляд на Майлза, – если ты хотела навестить Пенн, сейчас самое время.

– Хорошая идея. – Люс кивнула. – Спасибо. – Она бросила извиняющийся взгляд на Майлза, но он просто опустил свою бейсбольную кепку на глаза и отвернулся прошептать что-то Шелби.

– Хм. – Шелби возмущенно кашлянула. Она стояла позади Дэниела, пытаясь читать книгу через его плечо. – Что насчет меня и Майлза?

– Вы возвращаетесь в «Прибрежную», – сказала Гэбби. Сейчас ее тон был больше похож на преподавателей из «Прибрежной», чем когда-либо раньше. – Нам нужно, чтобы вы предупредили Стивена и Франческу. Нам может понадобиться и их помощь, и ваша. Скажите им... – она сделала глубокий вдох, – расскажите о происходящем. Что конец игры уже близок, хоть и не такой, как мы ожидали. Расскажите им обо всем. Им нужно знать, что делать.

– Хорошо, – сказала Шелби, поморщившись. – Ты босс.

– Ииииии-ха! – Арриана прикрыла рот рукой. – Если, хм, Люс собирается выйти, кому-то придется помочь ей выбраться через окно. – Она смущенно постукивала пальцами по столу. – Потому как я заложила выход библиотечными книгами, чтобы никто из «Меча и Креста» нас не побеспокоил.

– Чур я. – Кэм уже взял Люс под руку. Она начала было возмущаться, но эта идея почему-то не показалась плохой никому, кроме нее. Дэниел даже не заметил.

Перед тем как Люс развернулась, Шелби и Майлз с разной степенью беспокойства прошептали ей: «Будь осторожна».

Тепло улыбаясь, Кэм подвел ее к окну. Он поднял стеклянную раму, и они посмотрели на кампус. Там они встретились, там стали близки и там же он обманом заставил ее поцеловать себя. Не все воспоминания были плохими...

Он первым выпрыгнул в окно, плавно приземляясь на выступ, и протянул ей руку.

– Миледи.

Он с легкостью ее поднял, и Люс почувствовала себя крошечной и невесомой, когда Кэм мягко спустился со второго этажа за две секунды. Его крылья были спрятаны, но он все равно двигался грациозно, словно летел. Они мягко приземлились на покрытую росой траву.

– Я пойму, если ты захочешь побыть одна, – сказал он. – Я имею в виду на кладбище.

– Ага, спасибо.

Он потянулся к карману и вытащил крошечный серебряный колокольчик с надписью на иврите, который казался совсем древним. Кэм передал его Люс.

– Просто позвони, когда захочешь подняться обратно.

– Кэм, – сказала Люс. – Какова моя роль во всем этом?

Кэм протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но потом словно передумал. Его рука зависла в воздухе.

– Дэниел прав. Не я должен рассказать тебе об этом. – Он не стал дожидаться ее ответа, просто согнул колени и взлетел, даже не обернувшись.

Люс задержала взгляд на кампусе, позволяя знакомой влажности «Меча и Креста» липнуть к ее коже. Она не могла сказать, казалась ли теперь другой эта мрачная школа с ее громоздкими серыми строениями и удручающими пейзажами, или была все такой же.

Она прошла по кампусу через пустырь, покрытый короткой редкой травой, мимо мрачного общежития к кованым железным воротам кладбища. Там она остановилась, чувствуя, как по рукам бегут мурашки.

Кладбище все еще выглядело и пахло, как выгребная яма посреди кампуса. Пыль после битвы ангелов осела. Еще было достаточно рано, и большинство учеников спали. Да и в любом случае никто не стал бы бродить по кладбищу, если бы не был наказан. Она зашла через ворота и побрела мимо нависающих надгробий и насыпей могил.

В дальнем восточном углу покоилась Пенн.

Люс села у подножия могилы своей подруги. Она не принесла цветов и не знала молитв, поэтому просто положила руки на холодную мокрую траву, закрыла глаза и послала Пенн свое собственное сообщение в надежде, что оно когда-нибудь дойдет.

Люс вернулась к окну библиотеки, чувствуя раздражение.

Ей не нужен был Кэм или его загадочный колокольчик. Она сама могла забраться внутрь.

Было достаточно легко влезть на покатую крышу козырька, а оттуда она карабкалась вверх, пока не подобралась к длинному узкому выступу под библиотечными окнами. Он был примерно два фута шириной.

Она ступила на него и услышала голоса препирающихся Кэма и Дэниела.

– Что, если бы одного из нас поймали? – Тон Кэма был высоким и умоляющим. – Ты же знаешь, мы сильнее, когда вместе, Дэниел.

– Если мы не успеем туда вовремя, сила не будет иметь значения. Нас *сотрут во времени*.

Она могла представить их с другой стороны стены.

Кэм сжал кулаки, а его зеленые глаза полыхали. Дэниел, уверенный и неподвижный, скрестил руки на груди.

– Я не хочу, чтобы ты действовал сам. – Тон Кэма был жестким. – Твоя слабость к ней сильнее твоего слова.

– Тут нечего обсуждать. – Тон Дэниела не изменился. – Разделиться – наш единственный вариант. – Остальные затихли, скорее всего, думая о том же, что и Люс. Кэм и Дэниел вели себя как настоящие братья, и никто не собирался встревать.

Она потянулась к окну и увидела, что два ангела стоят друг против друга. Она схватилась руками за подоконник и ощутила небольшую волну гордости – в которой никогда не признается – за то, что самостоятельно добралась до библиотеки. Скорее всего, ни один из ангелов даже не заметит. Она вздохнула и засунула одну ногу внутрь. И тогда стекло затряслось.

Стеклянная рама дрожала, а подоконник вибрировал в ее руках с такой силой, что она чуть не упала с выступа. Она ухватилась покрепче, чувствуя, как внутри нее сотрясаются сердце и душа.

– Землетрясение, – прошептала она. Ее нога соскользнула с выступа, а хватка ослабла.

– Люсинда!

Дэниел кинулся к окну и обхватил ее руками. Кэм тоже оказался рядом, держа ее за плечо одной рукой, а другой прикрывая затылок. Книжные полки дрожали, а огни в библиотеке мерцали, когда два ангела затягивали ее через раскачивающееся окно, едва успев до того, как рама соскользнула с крепежа и разбилась на тысячи осколков.

Она взглянула на Дэниела в поисках ответа. Он все еще сжимал ее запястья, но смотрел мимо нее наружу. Он наблюдал за небом, которое потемнело и стало серым.

Хуже всего была вибрация внутри Люс, похожая на удар током.

Казалось, будто землетрясение длилось целую вечность, но в действительности прошло всего пять или десять секунд – достаточно, чтобы Люс, Кэм и Дэниел упали с грохотом на пыльный деревянный пол библиотеки.

Потом все прекратилось, и мир снова стал мертвенно-тихим.

– Какого черта? – Арриана встала с пола. – Мы что, попали в Калифорнию, а я и не заметила? Никто не сказал, что в Джорджии проходит линия разлома!

Кэм вытащил длинный осколок стекла из предплечья.

Люс ахнула, когда по его локтю потекла ярко-красная кровь, но на лице не отразилось никаких признаков боли.

– Это было не землетрясение. Это был резкий скачок во времени.

– Что? – спросила Люс.

– Первый из многих. – Дэниел выглянул из разбитого окна, наблюдая, как белое скопление облаков проплывает по уже голубому небу. – Чем ближе подбирается Люцифер, тем мощнее они будут. – Он взглянул на Кэма, кивнувшего в ответ.

– Тик-так, ребята, – сказал Кэм, – время истекает. Нам нужно лететь.

Глава 2. Разные пути

Гэбби ступила вперед.

– Кэм прав. Я слышала, как чистильщики говорили об этих изменениях. – Она натянула рукава бледно-желтого кашемирового кардигана, словно не могла согреться. – Они называются времятрясениями. Это рябь в нашей реальности.

– И чем ближе он подбирается, – добавил Ро-ланд, мудрость которого обычно недооценивалась, – чем ближе мы к окончанию его Падения, тем более частыми и жесткими будут становиться времятрясения. Время начинает рябить, готовясь к перезаписи.

– Как компьютер, который глючит все чаще и чаще перед тем, как совсем навернуться и стереть двадцать страниц диплома? – спросил Майлз. Все недоуменно на него посмотрели. – Что? – спросил он. – Ангелы и демоны не выполняют домашнюю работу?

Люс опустила на один из деревянных стульев за столом. Она почувствовала себя опустошенной, словно времятрясение выбило из нее что-то важное, но она не могла вспомнить что. В ее голове смешались препирающиеся голоса ангелов, но так и не удалось выудить оттуда ничего полезного. Им нужно было остановить Люцифера, и она понимала, что никто из них в действительности не знает как.

– Венеция, Вена. И Авиньон. – Чистый голос Дэниела прорвался сквозь общий гам. Он сел рядом с Люс и обхватил рукой спинку ее стула, коснувшись плеча кончиками пальцев. Когда он поднял Книгу Стражей, привлекая внимание, остальные затихли.

Все сосредоточились.

Дэниел показал на параграф плотного текста. Только тогда Люс поняла, что вся книга написана на латыни. Она помнила несколько слов со времен уроков латинского в Довере. Дэниел подчеркнул некоторые места и сделал пометки на полях, но со временем книга потрепалась и текст практически невозможно было прочесть.

Арриана нависла над ним.

– Вот это как курица лапой написала.

Дэниела это не смутило. Он добавил новые пометки темными чернилами своим элегантным почерком. Люс ощутила знакомую теплоту, когда поняла, что видела этот почерк и раньше. Она наслаждалась каждым напоминанием о том, какой долгой и глубокой была их любовь, пусть даже это напоминание было таким крошечным, как курсив, прошедший века. Но оно показывало, что Дэниел принадлежит ей.

– Запись о самых первых днях после Падения была сделана Небесными Призраками, изгнанными ангелами, которых выкинули с Небес, – медленно сказал он. – Но эти записи слишком хаотичные.

– Записи? – повторил Майлз. – Так мы просто находим какие-то книги и читаем их и они, типа, скажут нам, куда идти?

– Все не так просто, – сказал Дэниел. – Это не те книги, которые ты привык видеть сейчас. Это произошло в начале времен. Тогда были другие способы записывать информацию.

Арриана улыбнулась.

– В этом и есть сложность, да?

– Истории хранились в реликвиях – множестве реликвий – несколько тысячелетий. Но больше всего нас интересуют три из них, в которых могут быть записи, где именно ангелы упали на Землю.

– Мы не знаем, что это за реликвии, но знаем, что последний раз их упоминали здесь: Венеция, Вена и Авиньон. Они были в этих местах, когда писалась эта книга. Но даже тогда можно было только догадываться, действительно ли эти таинственные предметы там, а с тех пор прошло уже столько времени.

– Так что это может быть ложный след, – вздохнув, сказал Кэм. – Отлично. Мы потратим время на поиски таинственных предметов, которые смогут или не смогут нам помочь, в местах, в которых они могли быть или не быть сто лет назад.

Дэниел пожал плечами.

– Вкратце – да.

– Три реликвии. Девять дней. – Аннабель подняла глаза. – Это не так уж много времени.

– Дэниел был прав, – взгляд Гэбби метался между ангелами. – Нам нужно разделиться. – Об этом и спорили Кэм и Дэниел прежде, чем комната начала трястись. Будет ли у них больше шансов найти реликвии, если они разделятся.

Гэбби подождала неохотного кивка Кэм, а потом сказала:

– Тогда договорились. Дэниел и Люс – вы отправляетесь в первый город. – Она посмотрела на записи Дэниела, а потом одарила Люс уверенной улыбкой. – Венеция. Вы направляетесь в Венецию и находите первую реликвию.

– Но какая первая реликвия? Что мы вообще знаем? – Люс склонилась над книгой и увидела рисунок ручкой на полях.

Дэниел тоже глядел на свой рисунок столетней давности, слегка качая головой. Это было что-то вроде подноса, какие ее мама постоянно искала в антикварных магазинах.

– Это я смог узнать, изучая «псевдэпиграфы» – забракованные библейские писания античной церкви.

Это был овальный предмет без дна или с прозрачным дном, что Дэниел обозначил, прорисовав сквозь него поверхность, на которой тот стоит. Поднос, или чем бы ни была эта реликвия, имел что-то вроде маленьких обломанных ручек с каждой стороны. Дэниел даже нарисовал рядом шкалу, согласно которой артефакт был достаточно большим – примерно восемьдесят сантиметров на сто.

– Я едва помню этот рисунок. – Дэниел казался разочарованным в себе. – Я теперь не больше вашего знаю, что это такое.

– Уверена, что когда вы туда доберетесь, то сможете разобраться, – сказала Гэбби, усердно пытаясь приободрить их.

– Разберемся, – сказала Люс, – я уверена.

Гэбби моргнула, улыбнулась и продолжила:

– Роланд, Аннабель и Арриана – вы втроем отправляетесь в Вену. И тогда остаются... – Она запнулась, когда поняла, что ей придется сказать, но все равно попыталась произнести это спокойно: – Молли, Кэм и я поедem в Авиньон.

Кэм дернул плечами и с громким шумом выпустил свои поразительно золотые крылья, правым попав Молли в лицо, из-за чего ее откинуло на пять футов назад.

– Сделай так еще раз, и я убью тебя, – выплюнула Молли, сердито глядя на ссадину от ковра на ее локте. – А хотя... – Она кинулась на Кэма с кулаками, но вмешалась Гэбби.

Со вздохом она расцепила Кэма и Молли.

– Кстати об убийстве. Мне придется прикончить одного из вас, если вы снова будете друг друга провоцировать. – Она мило улыбнулась своим двум друзьям-демонам. – Мне, конечно, не хочется, но выбора нет. Нас ждут очень длинные девять дней.

– Надеюсь, они действительно будут длинными, – пробормотал себе под нос Дэниел.

Люс повернулась к нему. Венеция в ее голове была как картинки из путеводителя: лодки с открыток, плывущие по узким каналам, закаты над высокими шпилями соборов и темноволосяные девушки, поедающие «джелатто». Всего этого не будет в поездке, которую они собираются совершить, когда конец света тянется к ним острыми как бритва когтями.

– И как только найдем все три артефакта?.. – спросила Люс.

– ...Встретимся на горе Синай, – ответил Дэниел, – объединим реликвии...

– И произнесем маленькую молитву в надежде, что они прольют хоть какой-либо свет на то, куда мы приземлились после Падения, – мрачно пробормотал Кэм, потирая лоб. – И тогда останется лишь убедить адского пса-психопата, держащего все наше существование в своих челюстях, бросить все это глупое завоевание мирового господства. Что может быть проще? Думаю, у нас много причин быть оптимистами.

Дэниел выглянул из открытого окна. Солнце уже садилось над общежитием, и Люс пришлось прищуриться.

– Нужно отправляться в путь как можно быстрее.

– Ладно, – сказала Люс. – Мне нужно пойти домой, собраться, взять паспорт... – Ее разум разрывался на сотни частей, составляя список всего, что нужно сделать. Ее родители должны пробить в торговом центре еще несколько часов, достаточно, чтобы она успела проникнуть в дом и собрать вещи...

– Как это мило, – засмеялась Аннабель, подлетая к ним. Ее ноги висели в нескольких дюймах над землей. Ее крылья были мощные и переливались темно-серым цветом, как грозовая туча. Они выходили из незаметных прорезей ее ярко-розовой футболки. – Прости, что вмешиваюсь... но ты раньше никогда не летала с ангелом, да?

Конечно, летала. Ощущения, когда крылья Дэниела поднимали ее в воздух, были для нее абсолютно естественными.

Возможно, ее полеты были краткими, но незабываемыми. Тогда Люс была ближе всего к нему: его руки обвивали ее талию, их сердца бились рядом, и Люс чувствовала себя беззаветно и невозможно любимой под защитой его белых крыльев.

Она летала с Дэниелом десятки раз во снах, но лишь три раза в реальности: однажды над тайным озером позади «Меча и Креста», еще раз вдоль берега в «Прибрежной» и вниз с облаков к домику только лишь прошлой ночью.

– Думаю, мы никогда раньше не летали вместе так далеко, – сказала она наконец.

– Для вас двоих, кажется, проблемно даже добраться до «первой базы», – не смог промолчать Кэм.

Дэниел проигнорировал его.

– При нормальных обстоятельствах, я бы решил, что тебе понравится такой полет, – выражение его лица стало жестче. – Но у нас не будет ничего нормального следующие девять дней.

Люс почувствовала, как он положил руки ей на плечи и собрал волосы, чтобы открыть ее шею. Он поцеловал кожу у воротника свитера, обхватив ее талию руками. Люс закрыла глаза. Она знала, что за этим последует. Самый прекрасный звук – элегантный свист, когда любовь всей ее жизни раскрывает снежно-белые крылья.

Мир по ту сторону ее век слегка померк под их тенью, а тепло затопило сердце Люс. Когда она открыла глаза, все стояли на своих местах, такие же великолепные, как и обычно. Она слегка отклонилась назад, наслаждаясь уютом твердой, как стена, груди Дэниела, когда он повернулся к окну.

– Это лишь временная разлука, – объявил другим Дэниел. – Удачи вам и скорости вашим крыльям.

С каждым широким взмахом они поднимались на высоту тысячи футов. Воздух Джорджии, который недавно был прохладным и влажным, стал морозным и резким в легких Люсинды, пока они летели вверх. Ветер ревел в ушах. Глаза начали слезиться.

Земля внизу все отдалялась, и мир вокруг нее потерял очертания и уменьшился до шаткого полотна зелени. «Меч и Крест» была размером с отпечаток большого пальца.

Потом она исчезла.

От первого взгляда на океан у Люс возникло головокружение. Она ощущала радость, пока они летели прочь от солнца к темноте на горизонте.

Полет с Дэниелом был более возбуждающим, более напряженным, чем она могла себе представить. И все же что-то изменилось: теперь Люс привыкла. Она чувствовала себя спокойной, в одном ритме с Дэниелом, расслабившись в его объятиях. Ее ноги были слегка скрещены, а носки ботинок касались его. Их тела раскачивались в унисон, отвечая на движение его крыльев, аркой поднимающихся над их головами, заслоняя солнце, и опускающихся вниз, чтобы завершить мощный взмах.

Они пересекли линию облаков и исчезли в тумане. Вокруг них ничего не было, кроме белой дымки и нежной небесной влаги. Еще один взмах крыльями. Еще дальше в небо. Люс не задумывалась над тем, как она могла дышать так высоко здесь, на границе атмосферы. Она была с Дэниелом. С ней все было в порядке. Они отправлялись спасти мир.

Вскоре полет Дэниела выровнялся и больше напоминал полет какой-то нереально сильной птицы, а не ракеты. Они не замедлились – наоборот, их скорость возросла, но пока они летели параллельно земле, рев ветра был тише, а мир выглядел ярко-белым, удивительно тихим и таким мирным, словно только что начал свое существование и никто еще не экспериментировал со звуком.

– Все нормально? – Голос Дэниела окружил ее, заставляя подумать, что все несовершенство мира можно было исправить заботой любимого человека.

Он склонил голову влево, чтобы посмотреть на него. Он был спокоен, а губы растянулись в мягкой улыбке. Его глаза сияли таким ярким лиловым светом, что только ради них стоило держаться на плаву.

– Ты мерзнешь, – пробормотал он ей в ухо, глядя ее пальцы, чтобы согреть, посылая потоки тепла по телу Люс.

– Теперь лучше, – сказала она.

Они прорвались сквозь пелену облаков: это было похоже на тот момент, когда ты сидишь в самолете и серый однотонный вид в мутном овальном окошке сменяется бесконечной палитрой цветов. Разница в том, что между ней и небом не осталось ни окна, ни самолета. На востоке клубились вечерние облака, розовевшие цветом морской раковины, а высоко над ними небо было яркого оттенка индиго.

Облака сложились в чужой и завораживающий пейзаж. Как всегда, Люс оказалась не готова. Это был другой мир, в котором они с Дэниелом остались наедине. Мир на высоте, где их любовь достигала своего пика.

Какой смертный не мечтал об этом? Сколько раз Люс хотела оказаться по другую сторону самолета? Прогуляться по странным бледно-золотым тучам, словно бы поцелованным солнцем? Теперь она была здесь и ее переполняла красота далекого мира, который она могла ощутить своей кожей.

Но Люс и Дэниел не могли остановиться. Они не смогут остановиться следующие девять дней, иначе остановится и все остальное.

– Как долго добираться до Венеции? – спросила она.

– Уже не очень долго, – прошептал ей на ухо Дэниел.

– Прямо как пилот, рейс которого задерживают уже час, и пассажиры слышат «еще десять минут» в пятый раз, – поддразнила его Люс.

Когда Дэниел не ответил, она взглянула на него.

Он хмурился в смнении. Не понял метафору.

– Ты никогда не летал на самолете, – сказала она. – Зачем тебе, когда ты можешь так? – Она показала на его великолепные крылья. – Ожидание и такси свели бы тебя с ума.

– Я бы хотел полететь на самолете с тобой. Возможно, мы отправимся на Багамы. Люди же туда летают, да?

– Да. – Люс сглотнула. – Можно. – Она не могла не думать о том, сколько всего невозможного должно сложиться правильно, чтобы они двое могли путешествовать как нормальная пара. Было слишком трудно думать о будущем, когда столько всего стояло на кону.

Будущее было расплывчатым и далеким, как земля внизу, – и Люс надеялась, оно будет таким же красивым.

– Сколько еще на самом деле?

– Четыре, может, пять часов на такой скорости.

– Но разве тебе не нужен отдых? Восстановить силы? – Люс пожала плечами, все еще смущаясь от того, что не знает, как работает организм Дэниела.

– Разве твои руки не устанут?

Он смеется.

– Что?

– Я только что слетел с Небес, и боже, устали ли мои руки. – Дэниел сжал ее талию, дразня. – Мысль о том, что мои руки устанут тебя держать, абсурдна, – словно в доказательство, Дэниел изогнул спину, раскрыл крылья высоко над собой и слегка взмахнул ими. Когда их тела грациозно поднялись вверх, огибая облако, он убрал вторую руку с ее талии, показывая, что мог бы уверенно держать ее всего одной рукой. Его свободная рука потянулась вперед, и Дэниел коснулся пальцами ее губ, ожидая поцелуя. Когда он получил его, то снова вернул руку на место и отвел первую руку в сторону, резко наклоняясь влево. Она поцеловала и ее тоже. Потом Дэниел теснее прижал ее к себе, делая их объятие таким крепким, что смог убрать обе руки, но все равно как-то держал ее. Это ощущение было таким сладким, радостным и свободным, что Люс начала смеяться. Он сделал большую петлю в воздухе. Ее волосы разметались по лицу. Она не боялась. Она летала.

Люс взяла Дэниела за руки, когда он снова обнял ее.

– Мы словно созданы для этого, – сказала она.

– Да. Типа того.

Он летел вперед, не останавливаясь. Они прорывались сквозь облака и воздушные равнины, попадали в короткие красивые грозы и моментально высыхали на ветру. Они пролетали мимо самолетов на такой огромной скорости, что Люс догадывалась: пассажиры внутри не замечали ничего кроме неожиданной серебристой вспышки и легкого скачка турбулентности, встряхнувшего их напитки.

Облака стали реже, когда они летели над океаном.

Люс ощущала солоноватую тяжесть его глубин даже здесь, и он казался инопланетным, не таким бледным, как в «Прибрежной», и не таким соленым, как дома. Крылья Дэниела отбрасывали восхитительную тень на матовую воду под ними, и это почему-то действовало успокаивающе, хотя было трудно поверить, что она была частью этого отражения в волнующемся море.

– Люс? – спросил Дэниел.

– Да?

– Каково было прийти к твоим родителям этим утром?

Ее глаза пробежали по очертаниям одинокой пары островов в темной толще воды внизу. Она рассеянно гадала, где они находились, насколько далеко от дома.

– Тяжело, – призналась она. – Думаю, я ощущала то, что ты ощущал миллион раз, – разлуку с любимыми. Ведь я не могу быть с ними честна.

– Я боялся этого.

– В каком-то смысле легче быть рядом с тобой и другими ангелами, чем с моими собственными родителями и лучшей подругой.

Дэниел задумался на мгновение.

– Я не хочу, чтобы так было для тебя. Это неправильно. Я всегда хотел просто любить тебя.

– И я. Я тоже хотела лишь этого.

Но произнося эти слова, глядя на поблекшее небо на востоке, Люс не могла перестать прокручивать в голове те последние минуты дома, желая, чтобы все было по-другому. Ей стоило обнять отца немного крепче. Она должна была прислушаться, действительно прислушаться к совету мамы, выходя из двери. Ей стоило потратить больше времени на расспросы лучшей подруги о ее жизни в Довере. Ей не стоило вести себя так эгоистично, словно она спешила. Теперь каждая секунда уводила ее дальше от Таннерболта, родителей и Келли, и каждую секунду Люс охватывало ощущение, что она может никого из них больше не увидеть.

Всем сердцем Люс верила в то, что делали они с Дэниелом и другие ангелы. Но она впервые бросила дорогих ей людей ради Дэниела. Она подумала о похоронах, свидетелем которых стала в Пруссии. Темные шерстяные пальто и мокрые красные глаза любимых людей, поблекшие от горя из-за ее внезапной преждевременной смерти. Она подумала о своей красивой матери в средневековой Англии, где она провела День святого Валентина, о своей сестре Хелене и хороших подругах Лауре и Элеаноре. Это была одна из тех посещенных жизней, где она не стала свидетелем собственной смерти, но видела достаточно, чтобы знать, что там были хорошие люди, которых просто убьет ее неизбежная кончина. От одних мыслей об этом ее желудок сжался. И потом Люс подумала о Лючии, девушке в Италии, потерявшей семью на войне, у которой не было никого, кроме Дэниела, чья жизнь – какой бы короткой она ни была – имела ценность благодаря его любви.

Когда она сильнее прижалась к его груди, Дэниел погладил ее через свитер и пальцами прочертил круги на ее ладонях, словно рисуя на коже аккуратные узоры.

– Расскажи мне о лучших моментах всех твоих жизней.

Она хотела сказать «когда я находила *тебя*». Но все было не так просто. Было трудно вот так спокойно думать о них. Ее прошлые жизни переплелись вместе и стали меняться, как картинки в калейдоскопе. Был тот красивый момент на Таити, когда Люс делала татуировку на груди Дэниела. И то, как они оставили битву в Древнем Китае, потому что их любовь была важнее любой войны. Она могла бы перечислить дюжину сексуальных украденных моментов, дюжину прекрасных горько-сладких поцелуев.

Люс знала, что не это лучшие моменты.

Лучшее было сейчас. Именно это она возьмет с собой из путешествий сквозь время: он был для нее всем, как и она для него. Единственный способ испытать любовь такой силы – пережить каждый момент вместе, словно время мягкое и податливое, как эти облака. И Люс знала, что они с Дэниелом рискнут всем ради их любви, если придется, в эти следующие девять дней.

– Это было как познание, – наконец сказала она, – когда я впервые отправилась туда одна, я была решительно настроена разрушить проклятье. Но я ничего не понимала и была сбита с толку, пока не стало ясно, что в каждой посещенной мною жизни я узнавала что-то важное о самой себе.

– Например, что? – Они были так высоко, что был замечен намек на изгиб Земли на краю темнеющего неба.

– Я узнала, что сам по себе твой поцелуй меня не убивает, что это зависело от того, сколько я знала в тот момент, что именно мне было известно о себе и своей истории, – она почувствовала, как Дэниел кивнул позади нее. – Это всегда было самой большой загадкой для меня.

– Я узнала, что я в своих прошлых жизнях не всегда была хорошим человеком, но ты все равно видел мою душу в каждой из них. И по твоему примеру я научилась узнавать твою душу. У тебя... особенное яркое свечение, и даже когда ты оставил свою физическую форму, я могла появиться в твоей новой жизни и узнать тебя. Твоя душа была ярче всех лиц, которые

ты носил в тех жизнях. Ты выглядел по-другому в египетском облике, и *все же был* Дэниелом, которого я хотела и любила.

Дэниел повернулся, чтобы поцеловать ее в висок.

– Ты, наверное, не понимаешь, что способность распознать мою душу всегда была в тебе.

– Нет, я не могла... у меня не получалось...

– Ты могла, просто не знала. Думала, что сходишь с ума. Ты видела вестники и называла их тенями. Думала, что они преследуют тебя всю твою жизнь. И когда ты впервые встретила со мной в «Мече и Кресте», или, может, когда поняла, что я тебе небезразличен, ты должна была увидеть что-то необъяснимое, но отрицать это.

Люс зажмурилась, вспоминая.

– Ты оставлял лиловый дымок в воздухе, проходя мимо. Но я моргала, и он исчезал.

Дэниел улыбнулся.

– Я об этом не знал.

– Что ты имеешь в виду? Ты только что сказал...

– Я понимал, что ты видела *что-то*, но не знал, что именно. Что бы ни влекло тебя к моей душе, оно проявлялось по-разному в зависимости от того, как тебе было необходимо это увидеть, – он улыбнулся ей. – Вот так твоя душа связана с моей. Лиловый свет – это мило. Я рад, что это был именно он.

– А как для тебя выглядит моя душа?

– Я не смог бы описать ее словами, сколько ни пытайся, но ее красота ни с чем не сравнима.

Это хорошо описывало полет через весь мир с Дэниелом. Звезды мерцали в широких галактиках вокруг них. Луна была огромной и полной кратеров, наполовину скрытая бледно-серыми облаками. Люс было тепло и безопасно в объятиях любимого ангела, роскошь, по которой она так скучала, путешествуя по вестникам. Она вздохнула и закрыла глаза.

И увидела Билла.

Видение агрессивно вторглось в ее разум, хотя это и не был тот отвратительный беснующийся зверь, которым стал Билл во время их последней встречи. Это был просто Билл, ее каменная горгулья, державшая ее за руку, чтобы спустить с мачты разбившегося корабля, куда она попала, оказавшись на Таити.

Почему это воспоминание настигло ее в объятиях Дэниела, она не знала. Но она все еще могла ощущать его маленькую каменную ладошку в ее руке. Она помнила, как его сила и грация поразили ее. Как с ним чувствовала себя в безопасности.

По ее коже пробежали мурашки, и она поежилась в объятиях Дэниела.

– Что такое?

– Билл. – Слово показалось горьким на вкус.

– Люцифер.

– Я знаю, что он Люцифер. *Знаю*. Но какое-то время он не был для меня Люцифером. Я почему-то думала о нем как о друге. Мне страшно, что я позволила ему подобраться к себе так близко. Мне стыдно.

– Не нужно. – Дэниел крепче обнял ее. – Есть причина, по которой его звали Утренней Звездой. Люцифер был прекрасен. Некоторые говорят, что он был *самым красивым*. – Люс заметила намек на ревность в голосе Дэниела. – Он также был и самым любимым, не только Троном, но и другими ангелами. Подумай о том, какую власть он имеет над мертвыми. Эта сила истекает из того же источника, – его голос дрогнул, а потом стал напряженным. – Тебе не нужно стыдиться, что ты доверилась ему, Люс, – Дэниел внезапно замолк, но хотел сказать еще что-то.

– Между нами не все было гладко, – призналась Люс, – но я и представить не могла, что он превратится в такого монстра.

– Нет большей тьмы, чем обратная сторона яркого света. Смотри. – Дэниел поменял угол наклона крыльев, и они сделали большой крюк над возвышающейся тучей. Одна сторона была золотисто-розовая, подсвеченная последними лучами вечернего солнца. Но Люс увидела и другую сторону, и она была темной и тяжелой от дождя. – Яркий свет и тьма соединились, чтобы это облако существовало. Так и в случае Люцифера.

– И Кэма? – спросила Люс, когда Дэниел завершил круг и продолжил полет над океаном.

– Знаю, что ты не доверяешь ему, но напрасно. Тьма Кэма глубока, но это лишь часть его личности.

– Но тогда зачем он становился на сторону Люцифера? Почему другие ангелы так поступили?

– Кэм не становился, – сказал Дэниел. – Не сразу, в любом случае. Это было очень нестабильное время. Новое. Невообразимое.

Во время Падения были ангелы, которые сразу же встали на сторону Люцифера, но были и такие, как Кэм, их изгнал Трон за то, что они не сделали выбор достаточно быстро. Дальше история тянулась, пока ангелы выбирали стороны, возвращаясь на Небеса или присоединяясь к рядам Ада, пока не осталось только несколько падших, так и не сумевших выбрать.

– И вот мы здесь? – спросила Люс, хотя знала, что Дэниел не любил говорить о том, что все еще не выбрал сторону.

– Тебе раньше нравился Кэм, – сказал Дэниел, уходя от темы, – несколько жизней на Земле мы втроем были очень близки. Лишь спустя долгое время, после того как ему разбили сердце, он перешел на сторону Люцифера.

– Что? Кем она была?

– Никто из нас не любит говорить о ней. Не показывай, что знаешь об этом, – сказал Дэниел. – Мне не нравился его выбор, но не могу сказать, что я не понимал его. Если бы я когда-нибудь действительно потерял тебя, я не знаю, что бы я делал. Весь мой мир поблек бы.

– Этого не произойдет, – поспешно сказала Люс.

Она знала, что эта жизнь – ее последний шанс. Если она сейчас умрет, то уже не вернется.

У нее были тысячи вопросов о женщине, которую потерял Кэм, о странной дрожи в голосе Дэниела, когда он говорил об очаровании Люцифера, о том, где была она в его Падении. Ее веки потяжелели, а тело обмякло от усталости.

– Отдыхай, – проворковал ей в ухо Дэниел. – Я разбужу тебя, когда приземлимся в Венеции.

Она словно ждала этого разрешения, чтобы задремать. Люс закрыла глаза, чтобы не видеть сияющих волн, разбивающихся в тысячах футов под ними, и провалилась в мир снов, где девять дней не имели значения, где она могла нырять и взлетать, купаясь в облаках, где могла свободно летать в вечности, которая не кончалась Падением.

Глава 3. Затонувшее святилище

Дэниел, казалось, целых полчаса стучал в потрепанную деревянную дверь посреди ночи. Трехэтажный венецианский особняк принадлежал его коллеге, какому-то профессору. Дэниел был уверен, что этот человек позволит им остановиться у него, потому что они были хорошими друзьями «многие годы назад», что могло охватывать большой промежуток времени, когда речь шла о Дэниеле.

– Он, должно быть, крепко спит. – Люс зевнула, сама почти убаюканная равномерным стуком Дэниела в дверь. Или так, рассеянно подумала она, или профессор сидел в каком-то богемном ночном кафе, попивая вино над книжкой, заполненной непонятными терминами.

Было три часа ночи. Их приземление посреди серебристой сети венецианских каналов произошло под бой башни с часами где-то в темной дали города. Люс с ног валилась от усталости. Она с несчастным видом прислонилась к холодному почтовому ящику, из-за чего он задрожал и слетел с одного гвоздя. Из-за этого ящик накренился, и Люс дернулась назад и чуть не свалилась в мутный черно-зеленый канал, воды которого касались покрытых мхом ступеней, словно черным языком.

Вся внешняя часть дома словно бы разлагалась: от деревянных подоконников слоями отходила синяя краска, красный кирпич был покрыт склизким темно-зеленым мхом, влажный бетон ступеней крошился под их ногами. На мгновение Люс подумала, что ощущает, как город тонет.

– Он должен быть здесь, – пробормотал Дэниел, продолжая стучать.

Когда они приземлились на выступ у канала, к которому обычно подплывают на гондолах, Дэниел пообещал Люс кровать в здании, горячий напиток и отдых от влажного сильного ветра, через который они прорывались долгие часы.

Наконец, дрожащую Люс выдернуло из размышлений медленное шарканье ног вниз по ступеням. Дэниел выдохнул и прикрыл глаза в облегчении, когда медная ручка повернулась. Петли застонали, и дверь распахнулась.

– Кто, черт возьми...

Седые волосы пожилого худощавого итальянца торчали во все стороны. У него были невообразимо густые белые брови и такие же усы, а из V-образного выреза его темно-серого халата торчали густые белые волоски.

Люс видела, как Дэниел моргнул в удивлении, словно сомневался в правильности адреса. Потом светло-карие глаза старичка зажглись. Он кинулся вперед и крепко обнял Дэниела.

– Я начал гадать, навестишь ли ты меня до того, как я, наконец, неизбежно сыграю в ящик, – хрипло прошептал мужчина. Его взгляд переместился на Люс, и он улыбнулся, словно они не разбудили его и он ждал их уже долгие месяцы. – После всех этих лет ты наконец привел Люсину. Какая радость.

Его звали профессор Мазотта. Они с Дэниелом вместе изучали историю в Университете Болоньи в тридцатых годах. Он не был ошарашен или поражен его молодостью: Мазотта знал, кем был Дэниел.

Казалось, он испытывает лишь радость от воссоединения со старым другом, радость, которая лишь усилилась, когда он познакомился с главной любовью этого друга.

Он отвел их в кабинет, по которому также можно было изучать различные стадии разложения. Его книжные полки прогибались по центру, стол был завален пожелтевшей бумагой, ковер истерся до ниток и был заляпан кофе. Мазотта сразу же бросился готовить им чашку густого горячего шоколада – плохая привычка старика, хрипло сказал он Люс, легонько пихнув ее. Дэниел едва успел сделать глоток, прежде чем отдал свою книгу в руки Мазотта, открыв ее на описании первой реликвии.

Мазотта надел очки с проволочной оправой и сощурился, глядя на страницу, бормоча себе под нос что-то на итальянском. Он встал, подошел к книжной полке, почесал голову, потом снова повернулся к столу. Походил взад и вперед по комнате, отпил шоколад, вернулся к стеллажу и вытащил толстый том в кожаном переплете. Люс подавила зевотку. На ее веки словно давил тяжелый груз. Она пыталась не задремать, щипая ладонь, чтобы бороться со сном. Но голоса Дэниела и профессора Мазотта казались далекими облаками тумана, пока они спорили над невозможностью утверждений друг друга.

– Это точно не оконная рама церкви Святого Игнатиуса, – заламывал руки Мазотта. – Те слегка шестиугольные, а предмет на этой картинке явно продолговатый.

– Что мы здесь делаем? – внезапно воскликнул Дэниел, заставив дребезжать любительский морской пейзаж с парусной лодкой на стене. – Нам явно нужно в библиотеку Болоньи. У тебя еще есть ключи, чтобы мы могли попасть внутрь? В твоём кабинете должно быть...

– Я стал почетным профессором тринадцать лет назад, Дэниел. И мы не отправимся на расстояние двух сотен километров посреди ночи, чтобы посмотреть на... – Он сделал паузу. – Глянь на Люсинду, она спит стоя, как боевая лошадь!

Люс сонливо поморщилась. Она боялась заснуть и встретить Билла. В эти дни он имел привычку появляться, когда она закрывала глаза. Она хотела бодрствовать, чтобы быть подальше от него, участвовать в разговоре о реликвии, которую им с Дэниелом нужно будет найти на следующий день. Но сон был настойчив и не принимал отказов.

Несколько секунд или часов спустя руки Дэниела подняли ее с пола и отнесли вверх по темному и узкому лестничному пролету.

– Прости, Люс, – шепнул он, как ей показалось. Она слишком крепко спала, чтобы ответить. – Мне нужно было дать тебе отдохнуть пораньше. Я просто так боюсь, – шепнул он. – Боюсь, что у нас кончится время.

Люс моргнула и отодвинулась назад, когда с удивлением поняла, что лежит в кровати. С еще большим удивлением она увидела один-единственный белый пион в низкой стеклянной вазе, нависающий над подушкой рядом с ее головой.

Она вытащила цветок из вазы и покрутила в руке, отчего капли воды как бусинки покрыли розовое парчовое одеяло. Кровать скрипнула, когда она облокотилась на медный подголовник и осмотрела комнату.

На мгновение она была сбита с толку незнакомым местом, остатки сна о путешествии по вестникам медленно испарялись по мере того, как она просыпалась.

Рядом больше не было Билла, чтобы подсказать, где она оказалась. Но он был у нее во сне, и предыдущей ночью он был Люцифером, монстром, смеющимся над предположением, что они с Дэниелом могли все изменить или остановить.

Белый конверт стоял у вазы на ночном столике.

Дэниел.

Она вспомнила лишь один легкий сладкий поцелуй и его руки, накрывшие ее одеялом прошлой ночью, после чего он исчез, закрыв дверь.

Куда он направился после этого?

Она открыла конверт и вытащила твердую белую карточку. Там было два слова: «На балконе».

Улыбаясь, Люс откинула покрывало и свесила ноги с кровати. Она пробежала по гигантскому тканому ковру, держа белый пион между пальцами. Окна в спальне были высокими и узкими и поднимались почти на двадцать футов к потолку. За одной темно-коричневой занавеской находилась стеклянная дверь, ведущая на террасу. Люс отодвинула металлическую щеколду и вышла на улицу, ожидая увидеть там Дэниела и утонуть в его объятиях.

Но терраса в форме полумесяца была пустой.

Лишь низкие каменные перила и один этаж до зеленых вод канала, а также маленький стеклянный столик и складной красный стул рядом с ним. Утро было прекрасным. Погода стояла пасмурная, но воздух был чистым и свежим. По каналу проплывали блестящие черные гондолы, словно элегантные лебеди. Пара пятнистых дроздов чирикала, сидя на веревке для сушки белья на этаж выше, а на другой стороне канала был ряд апартаментов пастельного цвета, плотно жавшихся друг к другу. Выглядело очаровательно, да, как Венеция из мечты большинства людей, но Люс здесь не турист. Они с Дэниелом прилетели сюда, чтобы спасти историю и мир.

И часы тикали. А Дэниела не было.

Потом она заметила второй белый конверт на столике, прислоненный к пластиковому стаканчику, рядом с которым лежал бумажный сверток. Она снова открыла записку и нашла лишь три слова:

«Пожалуйста, жди здесь».

– Раздражающе, но все же романтично, – сказала она вслух. Она села на складной стул и заглянула в бумажный пакет. Горсть крошечных пончиков с джемом, посыпанных корицей и сахаром, испускали одурманивающий запах.

Пакет казался теплым в ее руках, испещренный пятнышками, где масло пропитало бумагу. Люс засунула один пончик в рот и сделала глоток из крошечной чашки, в которой был самый насыщенный и вкусный эспрессо, который Люс когда-либо пробовала.

– Наслаждаешься *bomboloni*¹? – поинтересовался Дэниел снизу.

Люс вскочила на ноги, перегнулась через перила и увидела его, стоящего в хвосте гондолы, расписанной изображениями ангелов. На нем была соломенная шляпа с толстой красной лентой, и он медленно вел к ней лодку с помощью большого деревянного весла.

Ее сердце замерло, как делало всегда, когда она впервые встречала Дэниела в каждой жизни. Но он был здесь. И принадлежал ей.

Это происходило прямо сейчас.

– Обмакни их в эспрессо, а потом скажи, каково быть в раю, – пошутил Дэниел, улыбаясь ей.

– Как мне к тебе спуститься? – спросила она.

Он показал на самую узкую лестницу из всех, которые Люс когда-либо видела. Она завилась спиралью справа от перил. Люс схватила кофе и пакет с пончиками, засунула стебель пиона за ухо и направилась к ступеням.

Она чувствовала на себе взгляд Дэниела, пока лезла через перила и спускалась вниз. Каждый раз, проходя виток на лестнице, она замечала дразнящую вспышку его лиловых глаз. Когда она добралась до земли, он протянул руку, чтобы помочь забраться в лодку.

Наконец стало ощущаться электричество, которого она ждала с того момента, как проснулась. Искра, что пробегала между ними при каждом прикосновении. Дэниел обнял ее за талию и притянул ближе, чтобы между ними не было пространства. Он поцеловал ее долгим и крепким поцелуем, от которого закружилась голова.

– Вот как нужно начинать утро, – пальцы Дэниела пробежали по лепесткам пиона за ее ухом.

Внезапно она ощутила что-то непривычное вокруг шеи и рукой коснулась тонкой цепи, а затем нащупала серебряный медальон. Она подняла его и посмотрела на гравировку красной розы на его поверхности.

Ее медальон! Тот, что Дэниел отдал ей в последнюю ночь в «Мече и Кресте». Она хранила его в обложке Книги Стражей в то короткое время, что провела в хижине одна, но эти воспоминания были размыты. Она лишь помнила, как мистер Коул быстро вез ее в аэропорт,

---

¹ Итальянские пончики с начинкой.

чтобы успеть на самолет в Калифорнию. Она не вспомнила ни о медальоне, ни о книге, пока не приехала в «Прибрежную», а к тому времени уже была уверена, что потеряла их.

Дэниел, видимо, надел его ей на шею, пока она спала. Ее глаза снова наполнились слезами, в этот раз от радости.

– Где ты...

– Открой его, – улыбнулся Дэниел.

Когда она в последний раз держала медальон, ее поразило изображение прошлых Люс и Дэниела. Тогда Дэниел сказал, что расскажет ей об этой фотографии когда-нибудь в другой раз. Этого не произошло. То короткое время, которое им удалось провести в Калифорнии, было наполнено стрессом и глупыми спорами, которые она больше не могла представить между ней и Дэниелом.

Ожидание пошло ей на пользу, потому что, когда она открыла медальон в этот раз и увидела за стеклом крошечную фотографию – Дэниел в галстук и Люс с прической, – то сразу же узнала, кто это.

– Лючия, – прошептала она, юная медсестра, которую Люс встретила, попав в Милан во время Второй мировой войны. Девушка была намного младше, когда они виделись, милая и немного проказливая, но такая искренняя, что Люс сразу прониклась симпатией.

Она улыбнулась, вспоминая, как Лючия смотрела на ее современную короткую прическу, и шутила о том, что все солдаты были влюблены в Люс. Казалось, что, если бы Люс осталась подольше в итальянском госпитале и обстоятельства были бы... ну совсем другими, они двое смогли бы стать хорошими друзьями.

Она посмотрела на Дэниела, сияя, но ее радость быстро померкла. Он выглядел ошарашенно.

– Что такое? – Она отпустила медальон и подошла к нему, обнимая за шею.

Он покачал головой в потрясении.

– Я просто не привык делиться с тобой такими вещами. Выражение твоего лица, когда ты узнала фотографию, – это самое прекрасное из виденного мной.

Люс покраснела и улыбнулась, одновременно потеряв дар речи и желая заплакать. Она полностью понимала Дэниела.

– Прости, что оставил тебя вот так одну, – сказал он. – Мне нужно было пойти кое-что проверить в одной из книг Мазотта в Болонье. Я подумал, что тебе пригодится любая возможность отдохнуть. Ты выглядела такой красивой во сне, что я не посмел тебя разбудить.

– Ты нашел, что искал? – спросила Люс.

– Возможно. Мазотта дал мне подсказку насчет одной из piazza² здесь в городе. Хотя его специализация – история искусств, но он знает о теологии больше, чем другие известные мне смертные. – Люс опустилась на низкую красную бархатную сидуху, которая была похожа на диванчик с черной кожаной подушкой и высокой лепной спинкой.

Дэниел опустил весло в воду, и лодка двинулась вперед. Вода была нежно-зеленого цвета, и пока они плыли по каналу, Люс видела, как весь город отражается в стеклянной ряби его поверхности.

– Хорошие новости, – сказал Дэниел, глядя на нее сверху вниз из-под поля его шляпы, – в том, что Мазотта считает, что знает, где находится артефакт. Я спорил с ним до рассвета, но мы наконец-то нашли подходящую к зарисовке интересную старую фотографию.

– И?

– Как оказалось, – Дэниел двинул рукой, и гондола сразу грациозно повернула за угол и нырнула под низкий склон пешеходного моста, – поднос – это ореол.

---

² Площадь (ит.).

– *Ореол?* Я думала, ореол – это золотой нимб у ангелов на открытках. – Она склонила голову набок, глядя на Дэниела. – А у *тебя* есть ореол?

Дэниел улыбнулся, словно вопрос показался ему очаровательным.

– Золотого точно нет. Насколько мы можем судить, ореол – это изображение нашего света людьми в том виде, в котором смертные могут его воспринимать. Например, лиловый свет, виденный тобой вокруг меня в «Мече и Кресте». Думаю, Гэбби никогда не рассказывала тебе, что она позировала для да Винчи?

– Она делала *что?* – Люс чуть не подавилась bomboloni.

– Он, конечно, не знал, что она ангел. Гэбби рассказывала, как Леонардо говорил, что от нее словно исходит свет. Вот почему он нарисовал ее с ореолом вокруг головы.

– *Вау!* – Люс покачала головой, пораженная, когда они проплыли мимо парочки влюбленных, целующихся в углу балкона, в одинаковых фетровых шляпах.

– Не только он. Художники так изображали ангелов с тех пор, как мы впервые попали на Землю.

– И что за ореол нам нужно найти сейчас?

– Еще одно произведение искусства.

Лицо Дэниела стало серьезным. Шум скрипучей джазовой пластинки донесся из открытого окна и наполнил пространство вокруг гондолы, дополняя рассказ Дэниела. – Это очень древняя скульптура ангела предклассической эры³. Такая древняя, что личность скульптора неизвестна. Она из Анатолии⁴ и, как остальные артефакты, была украдена во время Второго крестового похода.

– Так мы просто пойдем и найдем скульптуру в церкви, или музее, или типа того, заберем ореол с головы ангела и отнесем на гору Синай? – спросила Люс.

Глаза Дэниела потемнели на долю секунды.

– Пока что да, план такой.

– Звучит так легко, – заметила Люс, отмечая про себя узоры на зданиях вокруг нее – высокие окна в форме луковиц на одном, зеленый сад трав, выглядывающий из окна другого. Все словно тонуло в яркой зеленой воде, не сопротивляясь ей.

Дэниел смотрел мимо нее, и сияющая на солнце вода отражалась в его глазах.

– Посмотрим, насколько будет легко. – Он прищурился, глядя на деревянный знак впереди, а потом направил их лодку в центр канала. Гондола раскачивалась, когда Дэниел остановил ее у кирпичной стены, затянутой вьющимися лозами. Он схватился за один из причальных столбов и обвязал канат гондолы вокруг него. Лодка заскрипела, и канат натянулся, удерживая ее.

– Вот адрес, который мне дал Мазотта. – Дэниел указал на древний изогнутый каменный мост, что-то среднее между романтикой и разрухой. – Поднимемся по этим ступеням к palazzo⁵. Должно быть недалеко. – Он выпрыгнул из гондолы на тротуар, протягивая руку Люс. Она последовала за ним, и они пересекли мост, держась за руки.

Они проходили мимо пекарен и торговцев футболками с надписью «Венеция». Люс не могла не смотреть на счастливые пары. Казалось, все здесь целуются и смеются. Она вытащила пион из-за уха и убрала в сумочку. У них с Дэниелом было важное задание, а не медовый месяц, и романтических свиданий у них уже не будет, если они провалят это задание.

Они ускорили шаг, повернув на узкую улочку слева, а потом вышли прямо на широкую piazza.

Дэниел резко остановился.

---

³ С 2500 года до н. э. по 200 год н. э.

⁴ Т. н. «Малая Азия» – полуостров на западе Азии, срединная часть территории современной Турции.

⁵ Большой особняк-дворец (*ит.*).

– Она должна быть здесь, на площади. – Он посмотрел на адрес, устало и недоверчиво покачав головой.

– Что не так?

– Адрес, который Мазотта дал мне, – вот эта *церковь*. Он не сказал мне этого. – Он показал на высокую францисканскую⁶ церковь со шпилями и треугольными витражными окнами. Это была массивная впечатляющая часовня бледно-оранжевого цвета с белыми оконными рамами и огромным куполом. – Скульптура с ореолом должна быть внутри.

– Ладно. – Люс пошла к церкви, недоуменно пожав плечами, глядя на Дэниела. – Давай зайдем и посмотрим, так ли это.

Дэниел переступил с ноги на ногу.

– Не могу, Люс.

– Почему?

Дэниел напрягся, заметно нервничая. Его руки словно прилипли к телу, а челюсти так плотно сжались, что казались связанными. Она привыкла, что Дэниел всегда ведет себя уверенно.

Такое поведение было странным.

– То есть ты не знаешь? – спросил он.

Люс покачала головой, и Дэниел вздохнул.

– Я подумал, что в «Прибрежной» тебе рассказали. Вообще-то, если падший ангел зайдет в святилище Бога, само здание и все внутри воспламенится.

Он быстро закончил предложение, когда группа немецких школьниц в клетчатых юбках появилась на площади и направилась ко входу в церковь на экскурсию.

Люс заметила, как две из них обернулись на Дэниела, перешептываясь и хихикая, поправляя косички на тот случай, если он взглянет в их направлении.

Он смотрел на Люс и все еще нервничал.

– Это одна из тех малоизвестных подробностей нашего наказания. Если падший ангел желает снова войти в юрисдикцию Божьей милости, мы должны обратиться прямо к Трону. Нет более легких путей.

– Хочешь сказать, что никогда не заходил в церковь? Ни разу за тысячи лет, которые здесь провел? – Дэниел покачал головой.

– Храм, синагога или мечеть. Никогда. Ближе всего к этому я был в крытом плавательном бассейне «Меча и Креста». Когда его переделали из храма в спортивный зал, запрет спал. – Он закрыл глаза. – Арриана один раз зашла давным-давно, еще до того, как перешла на сторону Небес. Ей стоило подумать получше. То, как она описывает это...

– Вот откуда у нее шрамы на шее? – Люс инстинктивно коснулась шеи, думая о своем первом часе в «Мече и Кресте»: Арриана потребовала, чтобы Люс подстригла ей волосы украденным швейцарским ножом. Она тогда не могла отвести взгляд от странных мраморных шрамов ангела.

– Нет. – Дэниел отвернулся, словно ему стало неудобно. – Это другое.

Группа туристов позировала вместе с гидом перед входом. Пока они разговаривали, человек десять зашли и вышли из церкви, словно не замечая красоту здания или его важность. И все же Дэниел, Арриана и целый легион ангелов никогда не смогли бы ступить внутрь.

Но Люс могла.

– Я пойду. Я знаю, как выглядит этот ореол, по твоим рисункам. Если он там, я его возьму и...

– Да, ты можешь зайти, – быстро кивнул Дэниел. – Другого способа нет.

– Без проблем. – Люс постаралась выглядеть беззаботной.

---

⁶ Ответвление католической церкви.

– Я буду ждать прямо здесь. – Дэниел, казалось, испытывал и сомнение, и облегчение одновременно. Он взял ее за руку, сел на край фонтана в центре площади и объяснил, как ореол должен выглядеть и как забрать его. – Будь осторожна! Ему более тысячи лет, и он хрупкий! – Позади него херувим выплевывал бесконечную струю воды. – Если возникнут какие-то проблемы, Люс, если что-то покажется хоть отдаленно подозрительным, беги обратно и найди меня.

Церковь была темной и прохладной, зал был сделан в форме креста с низким потолком. В воздухе стоял тяжелый запах ладана. Люс взяла буклет на английском языке у входа, а потом поняла, что не знает имя скульптора. Злясь на себя саму за то, что не спросила – Дэниел наверняка знал, – она прошла по узкому проходу между рядами пустых скамеек, а ее взгляд пробежал по витражам, изображающим Крестный Путь, на высоких окнах.

Хотя piazza снаружи ломилась от людей, внутри было относительно тихо. Люс слышала стук своих сапог по мраморному полу, когда проходила мимо статуи Мадонны в одной из маленьких огороженных часовен, оформленных в каждой стене церкви. Пустые мраморные глаза казались неестественно большими, а пальцы, сжимающиеся в молитве, неестественно длинными и тонкими.

Ореола нигде не было видно.

Миновав проход, она оказалась в самом центре под большим куполом, который пропускал приглушенный утренний свет сквозь высокие окна. Мужчина в длинном сером одеянии стоял на коленях перед алтарем. Его бледное лицо и руки, прижатые к сердцу, были единственными непокрытыми частями его тела. Он пел себе под нос что-то на латинском. *Dies irae, dies illa*⁷.

Люс узнала слова из урока латинского в Довере, но не могла вспомнить, что они значат.

Когда она подошла поближе, песнопение мужчины оборвалось, и он поднял голову, словно ее присутствие помешало его молитве. Она никогда не видела такую бледную кожу, но в тонких губах не было ни кровинки. Он, нахмурившись, посмотрел на нее. Она отодвинулась влево, пытаясь не мешать ему, и вошла в перпендикулярный коридор, который придавал церковному залу форму креста...

И оказалась перед великолепным ангелом.

Это была статуя, сделанная из бледно-розового мрамора, совершенно не похожая на ангелов, которых Люс теперь знала так хорошо. Здесь не было свирепой жизненной силы Кэма и бесконечной многогранности Дэниела, которую она так обожала. Это была статуя, созданная истинно верующим для истинно верующих. Люс ангел показался пустым. Он смотрел вверх, в Небеса, и его каменное тело просвечивало через складки ткани на его груди и талии. Его запрокинутая голова, на десять футов выше Люс, была изящно высечена чьей-то натренированной рукой – от горбинки носа до маленьких завитков волос над ухом.

Его руки указывали в небо, словно прося прощения у кого-то за давно совершенный грех.

– *Buongiorno*⁸, – внезапно раздавшийся голос заставил Люс подпрыгнуть. Она не видела, как появился священник в тяжелой черной сутане до пола. Он вышел из незаметной резной двери красного дерева, ведущей в приходскую часть храма в конце коридора.

У него был блестящий нос и большие мочки ушей, и он был таким высоким, что возвышался над ней как башня, отчего она почувствовала себя неуютно. Она заставила себя улыбнуться и отошла на шаг. Как она собиралась украсть реликвию из такого публичного места? Почему она не подумала об этом раньше на площади? Она даже не могла говорить по...

⁷ «Тот день, день гнева...» (лат.).

⁸ Добрый день (ит.).

Потом она вспомнила: она умела говорить поитальянски. Она выучила его – более или менее – в тот момент, когда прошла через вестник и попала в разгар битвы рядом с рекой Пьяве.

– Это красивая скульптура, – сказала она священнику.

Ее итальянский не был идеальным – он звучал так, словно раньше она говорила на нем свободно, но теперь утратила уверенность.

И все же у нее было достаточно хорошее произношение, и священник, кажется, понял.

– Так и есть.

– Скульптор работал... резцом, – сказала она, широко разводя руки и изучающе осматривая статую, – он словно освобождал ангела из каменного плена.

Люс обратила свои распахнутые глаза обратно к скульптуре, пытаясь выглядеть максимально невинно. Она обошла вокруг ангела. Конечно же, золотой ореол, покрытый стеклом, был над его головой. Вот только он не был сломан, как на рисунке Дэниела. Возможно, его восстановили.

Священник мудро кивнул и сказал.

– Ни один ангел не был свободен после грехопадения. Натренированный глаз это замечает.

Дэниел рассказал ей о том, как снять ореол с головы ангела: схватить его словно руль и твердо, но аккуратно, два раза повернуть против часовой стрелки.

Так как он был сделан из стекла и золота, его пришлось добавить на статую отдельно. Поэтому основание сделано из камня, а в ореоле есть подходящее отверстие. Просто два сильных – но осторожных – поворота снимут его с основания.

Она посмотрела на большую статую, возвышающуюся над их головами.

Так и есть.

Священник встал рядом с Люс.

– Это Рафаэль, лекарь.

Люс не знала ангелов по имени Рафаэль. Она гадала, был ли он настоящим или его придумала церковь.

– Я, эм... прочитала в путеводителе, что он был создан в предклассический период. – Она посмотрела на тонкий лучик мрамора, соединяющий нимб с головой ангела. – Разве не эту скульптуру принесли в церковь во время Крестового похода?

Священник сложил руки на груди, и длинные рукава его мантии собрались на локтях.

– Вы говорите об оригинале. Он находился к югу от Дорсодуро в Chiesa dei Piccolos Miracolis на острове Тюленей и исчез вместе с церковью и островом, когда и то и другое, как мы знаем, погрузилось в море века назад.

– Нет. – Люс сглотнула. – Я не знала об этом. – Его круглые глаза уставились на нее.

– Должно быть, вы в Венеции впервые, – сказал он. – В результате все здесь оказывается в море. Это не так плохо, если подумать. Как бы еще мы научились так хорошо делать репродукции? – Он взглянул на ангела и пробежал длинными коричневыми пальцами по мраморному постаменту. – Этот был создан на заказ всего за пятьдесят тысяч лир. Разве он не удивительный?

Это было не удивительно, это было ужасно. Настоящий ореол утонул в море? Они теперь никогда не найдут его, никогда не узнают о месте Падения, не смогут остановить Люцифера и помешать ему уничтожить всех. Они только начали путь, но все уже казалось потерянным.

Люс, спотыкаясь, отошла назад, едва найдя в себе силы поблагодарить священника. Ощущая тяжесть, она потеряла равновесие и чуть не споткнулась о бледного молящегося, который поморщился, глядя на нее, когда она быстро пошла к двери.

Как только она пересекла порог, она побежала. Дэниел поймал ее за локоть у фонтана.

– Что случилось?

Должно быть, все было написано на ее лице. Она рассказала ему обо всем, с каждым словом отчаиваясь все больше. К тому времени, как она дошла до той части, где священник хвалил качество копии, слеза уже текла по ее щеке.

– Ты уверена, что он назвал собор *La Chiesa dei Miracolis Piccolos*? – спросил Дэниел, развернувшись, чтобы посмотреть через площадь. – На острове Тюленей?

– Я уверена, Дэниел. Его нет. Он похоронен в океане...

– И мы найдем его.

– Что? Как?

Он уже схватил ее за руку и, бросив косой взгляд через двери церкви, направился через площадь.

– Дэниел...

– Ты же умеешь плавать.

– Это не смешно.

– Нет, не смешно. – Он остановился и повернулся, чтобы взглянуть на нее, держа ее подбородок в ладонях. Ее сердце колотилось, но его пристальный взгляд замедлил все вокруг.

– Это нелегко, но это единственный способ достать артефакт. Ничто нас не остановит. Ты это знаешь. Нельзя позволить, чтобы случившееся нам помешало.

Мгновения спустя они снова сидели в гондоле, а Дэниел вел их к морю, ускоряясь как двигатель с каждым гребком весла. Они быстро проскочили мимо других гондол в канале, делая петляющие повороты вокруг низких мостов и выступающих углов зданий, разбрызгивая воду на встревоженные лица людей в соседних гондолах.

– Я знаю этот остров, – сказал Дэниел, даже не запыхавшись. – Он раньше находился между Святым Марком и Джудеккой. Но там негде привязать лодку. Придется оставить гондолу. Мы прыгнем и поплывем.

Люс взглянула за борт гондолы в мутную зеленую воду, быстро движущуюся под ней. Нет купальника. Переохлаждение. Итальянские лох-несские монстры в невидимых глубинах. Скамейка гондолы замерзала под ней, и вода пахла как грязь вперемешку со стоком канализации.

Все это промелькнуло в голове Люс, но когда она встретилась глазами с Дэниелом, то успокоилась.

Он нуждался в ней. Она была рядом с ним, не задавая вопросов.

– Ладно.

Когда они достигли конца канала, где открытая вода плескалась между островов, то увидели туристический хаос: вода кишела *varoretti*⁹, везущими чемоданы в отели, моторными лодками с богатыми элегантными путешественниками, яркими обтекаемыми каяками, перевозящими американских туристов в огромных солнечных очках, с рюкзаками за спиной. Гондолы, баржи и полицейские лодки на большой скорости рассекали водную гладь во все стороны, едва избегая столкновений друг с другом.

Дэниел легко маневрировал, указывая вдаль.

– Видишь башни?

Люс уставилась поверх разноцветных лодок. Горизонт был блеклой линией там, где сине-зеленое небо светлело над сине-зеленой водой.

– Нет.

– Сосредоточься, Люс.

Через несколько мгновений две маленькие зеленоватые башенки – намного дальше, чем она могла увидеть без телескопа, – появились в поле зрения.

– А, там.

– Это все, что осталось от церкви.

---

⁹ Итальянский туристический теплоход.

Дэниел стал грести быстрее, когда количество лодок вокруг них уменьшилось. На воде поднялись волны, и она потемнела до хвойного оттенка. Теперь у нее был запах моря, а не странный привлекательный аромат грязных каналов Венеции. Ветер играл волосами Люс и становился холоднее по мере отдаления от земли.

– Будем надеяться, что наш ореол не забрала коман да дайверов-археологов.

Когда Люс до этого садилась в гондолу, Дэниел попросил ее подождать одно мгновение. Он исчез в узком переулке и вернулся чуть ли не через несколько секунд с маленьким розовым пластиковым пакетом.

Теперь он кинул его Люс, и она вытащила пару подводных очков. Они казались глупо дорогими и не очень функциональными: черно-розовые, с декоративными крыльями ангелов по краям. Люс не могла вспомнить, когда в последний раз плавала с очками, но посмотрев на черную, полную теней воду, она порадовалась, что может натянуть их на глаза.

– Очки есть, но нет купальника? – спросила она.

Дэниел вспыхнул.

– Да, это было глупо. Но я спешил и думал только о том, *как* тебе достать ореол. – Он опустил весло обратно в воду, разгоняясь быстрее, чем моторная лодка. – Ты сможешь сплавать в белье?

Теперь вспыхнула Люс. При нормальных обстоятельствах вопрос мог бы иметь эротический подтекст, и они бы посмеялись. Но не в эти девять дней. Она встряхнула головой. Теперь уже восемь дней. Дэниел был совершенно серьезен. Люс просто тяжело слотнула и сказала: «Конечно». Пара зелено-серых шпилей увеличилась, появилось больше деталей, и потом они очутились рядом. Башни были высокие и конусообразные, сделанные из медных пластин. Видимо, раньше наверху были металлические флажки в форме слезинок, сделанные так, будто колышутся на ветру, но один флаг был испещрен старыми дырами, а второй полностью отломился.

Посреди воды шпили выглядели странно и казались каким-то хитрым глубоководным храмом. Люс гадала, как давно затонула церковь и как глубоко она уходила вниз.

Она вздрогнула от мысли о том, чтобы нырнуть туда в этих смехотворных очках и купленном мамой белье.

– Эта церковь, должно быть, огромная, – сказала она, имея в виду: «Не думаю, что смогу это сделать. Я не умею дышать под водой. Как мне найти один маленький ореол, затонувший посреди моря»?

– Я смогу донести тебя до самой часовни, но только туда. Если будешь держаться за мою руку. – Дэниел протянул свою теплую руку, чтобы помочь Люсинде встать в гондоле. – Дыхание не будет проблемой. Но церковь все равно святая, так что тебе самой придется найти нимб.

Дэниел снял футболку через голову, бросив ее на скамейку гондолы. Он быстро снял штаны, идеально держа равновесие в лодке, а потом скинул теннисные ботинки. Люс просто наблюдала за ним, чувствуя, как что-то внутри нее пробуждается, пока не вспомнила, что и ей нужно раздеться. Она сняла ботинки, стянула носки и освободилась от джинсов настолько скромно, насколько могла.

Дэниел держал ее за руку, чтобы помочь с балансом. Он наблюдал за ней, но не так, как она ожидала. Он беспокоился за нее. Ее кожа покрылась мурашками. Он стал тереть ее руки, когда она сняла свитер и осталась в своем тоненьком белье, стоя в гондоле посреди венецианской лагуны.

И снова она непроизвольно поежилась. Холод, страх и что-то непонятное засели внутри ее. Но голос прозвучал храбро, когда она натянула очки на глаза и сказала.

– Ладно, поплыли.

Они держались за руки, как раньше, когда плавали вместе в «Мече и Кресте». Когда их ноги оторвались от лакированной поверхности гондолы, рука Дэниела сначала потянула ее наверх – выше, чем она подпрыгнула бы сама, – а потом они нырнули.

Ее тело разорвало поверхность моря, которое оказалось не таким холодным, как она ожидала. В действительности, чем ближе к Дэниелу она плыла, тем теплее становилось вокруг них.

Он сиял.

Конечно же, он сиял. Она не хотела озвучивать свой страх непроглядной темноты в церкви под водой, а теперь она поняла, что Дэниел, как обычно, обо всем позаботился. Он осветит ее путь к ореолу тем же мерцающим свечением, которое Люс видела в тех прошлых жизнях, в которых побывала. Его свет отражался от мрачных вод, укрывая Люс. Он был тут таким же неуместным и удивительным, как радуга в ночном звездном небе.

Они поплыли вниз, держась за руки, окутанные его лиловым свечением. Вода струилась между ними, а вокруг было тихо, как в пустом склепе.

Через несколько десятков футов вокруг стало темнее, но свет Дэниела продолжал озарять тьму вокруг них. Еще немного, и они увидели фасад церкви.

Она была прекрасна. Океан сохранил ее прежний вид, а сияние Дэниела окрасило старинные камни в призрачно-лиловый оттенок. Пара шпилей поднимались на поверхность от плоской крыши, обрамленной каменными скульптурами святых. Там были осыпавшиеся панели с мозаикой, изображающей Иисуса с несколькими апостолами. Все было покрыто мхом и кишело морскими обитателями: крошечные серебряные рыбки заплывали в альков и выплывали обратно, морские анемоны высывались из церковных картин, угри выскальзывали из щелей, где раньше лежали старые кости венецианцев. Дэниел остался рядом с ней, облегчая ей задачу и освещая путь.

Она поплыла вокруг правой стороны церкви, заглядывая в разбитые витражные окна, все время поглядывая на расстояние между ней и поверхностью воды, где был воздух.

Как она и ожидала, легкие Люс напряглись. Но подниматься было еще рано. Они только добрались до места, откуда можно рассмотреть, как выглядел алтарь. Она сжала зубы и продолжила терпеть нарастающий жар в легких.

Держась за руку Дэниела, она заглянула в одно из окон. Ее голова и плечи пролезли внутрь, а Дэниел приблизился к стенам храма, насколько было возможно, чтобы осветить ей внутреннюю часть.

Она ничего не видела, кроме разрушенных рядов скамеек и каменного алтаря, расколотого на две части. Все остальное было в тени, а Дэниел не мог подобраться поближе, чтобы дать ей больше света. Она ощутила тяжесть в легких и запаниковала – но потом напряжение ослабло, и ей показалось, что у нее есть достаточное количество времени до того, как паника вернется. Словно были какие-то пороги дыхания, и Люс могла пройти парочку из них, прежде чем все станет действительно трудно. Дэниел наблюдал за ней, кивая, словно тоже думал, что она может продержаться немного дольше.

Она проплыла мимо еще одного бывшего окна, и что-то золотое блеснуло в дальнем углу церкви.

Дэниел тоже это заметил. Он осторожно подплыл к ней, пытаясь не приближаться к храму, взял ее за руку и указал туда. Был виден лишь кончик ореола. Сама статуя выглядела так, словно провалилась под пол. Люс подплыла поближе, выпуская пузырьки воздуха изо рта. Она не понимала, как снять нимб, и больше не могла терпеть. Ее легкие горели. Она показала Дэниелу, что нужно подниматься.

Он покачал головой.

Когда она вздрогнула в удивлении, он вытянул ее из церкви и обнял. Дэниел крепко поцеловал ее, и это было так приятно, но...

Это был не просто поцелуй. Он передавал воздух в ее легкие. Она вдохнула через его рот, почувствовав поток кислорода, наполняющий ее, когда легкие уже были готовы взорваться. Казалось, что у него бесконечный запас, и Люс жадно брала, сколько могла.

Их руки обвились вокруг почти обнаженных тел друг друга. Их наполняла страсть, словно они целовались только ради удовольствия. Люс не хотела останавливаться. Но у них было всего восемь дней. Когда она наконец кивнула, довольная, Дэниел улыбнулся и отплыл.

Они повернулись к крошечному отверстию, где раньше было окно. Дэниел приблизился к нему и остановился, поворачиваясь, чтобы его сияние осветило ей путь. Она медленно пролезла в окно, мгновенно ощущая холод и безосновательную клаустрофобию внутри церкви. Это было странно, потому что собор был громадным: его потолок поднимался на сотни футов вверх, и Люс могла распоряжаться всем этим пространством.

Может, в этом и была проблема. С другой стороны окна Дэниел казался таким далеким. По крайней мере, она видела статую ангела впереди и свет ангела снаружи. Она подплыла к золотому ореолу и схватила его руками. Она помнила инструкции Дэниела и повернула ореол, словно водила автобус «Грейхаунд».

Он не шевельнулся.

Люс схватилась за скользкий ореол покрепче. Она качала его взад и вперед, прикладывая все имеющиеся силы.

Медленно нимб скрипнул и передвинулся на сантиметр влево. Она снова напряглась, чтобы сдвинуть его, выпуская пузырьки отчаяния. Когда она уже выбилась из сил, нимб поддался и повернулся. Лицо Дэниела наполнилось гордостью, пока он наблюдал за ней. Она посмотрела на него, и их взгляды встретились. Она едва думала о своем дыхании, пытаясь отцепить ореол.

Он высвободился и остался в ее руках. Она вскрикнула от радости, удивившись его тяжести. Но когда она взглянула на Дэниела, он больше на нее не смотрел. Он смотрел наверх, далеко ввысь.

В следующую секунду он исчез.

Глава 4. Сделка вслепую

Люс осталась в воде одна в полной темноте.

Куда он делся?

Она подплыла к провалу в досках пола, где застряла скульптура ангела. Всего несколько секунд назад с ней был свет Дэниела, освещающий путь.

Вверх. Это был единственный вариант.

Давление в ее легких стремительно усиливалось и распространялось по всему телу, стуча в голове.

Воздух был далеко вверх, а тот, что отдал ей Дэниел, – исчез. Она не видела даже руку у себя перед лицом. Она не могла думать. Она *не могла* паниковать.

Люс отплыла от сгнивших досок, повернув в воде туда, где должно быть окно подвала, через которое она попала в собор. Ее дрожащие руки ощупали покрытые ракушками стены подвала в поисках узкого отверстия, через которое ей нужно было вылезти обратно.

Вот.

Ее пальцы выбрались из руин, и она ощутила воду потеплее с той стороны стены. В темноте проход казался еще меньше и уже, чем когда Дэниел освещал ей путь. Но это был единственный выход.

Неуклюже прижав ореол подбородком, Люс полезла наружу, уперев локти в стену здания с обратной стороны, чтобы вытянуть туда тело.

Сначала плечи, потом талия, потом...

Боль пронзила ее бедро.

Ее левая нога застряла, зацепившись за что-то невидимое, до чего она не могла дотянуться. Слезы щипали глаза, и она вскрикнула в отчаянии. Она смотрела, как пузырьки изо рта поднялись наверх – туда, где и она должна быть, – унося с собой больше энергии и кислорода, чем у нее осталось.

Протиснувшись через окно только наполовину, Люс дергалась, онемев от страха. Если бы только Дэниел был здесь...

Но Дэниела здесь не было.

Взяв ореол одной рукой, она просунула другую обратно через узкое окно, скользя ею вдоль тела, пытаясь дотянуться до ноги. Ее пальцы натолкнулись на что-то холодное, резиновое и незнакомое. Кусочек остался в ее руке и рассыпался. Она поморщилась в отвращении, пытаясь освободить ногу от непонятно чего. Ее зрение затуманилось, ногти цеплялись и ломались, а лодыжка заболела из-за попыток выбраться – а потом ее нога неожиданно освободилась.

Она дернулась вперед, и колено ударилось об ветхую стену. Люс поняла, что порезала его, но уже не обращала на это внимания: она сделала яростный рывок, и ее тело выскользнуло через окно.

У нее был ореол. Она была свободна.

Но у нее ни за что не хватило бы воздуха в легких, чтобы добраться до поверхности. Ее тело сильно трясло, а ноги плохо реагировали на команду «плыть», и туман черно-красных точек закружился перед ее глазами.

Она чувствовала себя беспомощной, словно плыла через мокрый цемент.

Потом произошло что-то удивительное: темные воды засияли от мерцающих лучей, а тепло и свет окутали ее, как летняя заря.

К ней потянулась рука.

Дэниел. Она схватилась за его широкую сильную ладонь, одной рукой прижимая ореол к груди.

Люс закрыла глаза и полетела с Дэниелом наверх, словно они были в небе, а не под водой.

Казалось, прошла всего секунда, и они вынырнули под ослепляющий солнечный свет. Инстинктивно Люс вдохнула во всю мощь легких, вздрогнула и застонала. Ее горло саднило, и она держалась за него одной рукой, помогая воздуху попасть внутрь, пока другой снимала очки.

Но... было странно. Казалось, что ее тело не нуждалось в таком количестве воздуха, как считал мозг. Она испытывала головокружение от внезапного ослепительного света, но, как ни странно, не была на грани потери сознания. Неужели она не находилась там так долго, как ей казалось? Неужели она намного лучше задерживала дыхание, чем могла представить? Люс ощутила порыв гордости вместе с облегчением, что она выжила.

Руки Дэниела ощупали ее под водой.

– С тобой все в порядке?

– Что произошло? – крикнула она. – Я чуть не...

– Люс, – предупредил он. – Тс-с-с.

Его пальцы пробежали вдоль ее рук, и он молча забрал у нее ореол. Она не понимала, насколько тяжелой была эта штука, пока не освободилась от нее. Но почему Дэниел вел себя так странно, незаметно забирая у нее ореол, словно хотел его спрятать?

Ей нужно было лишь проследить за его темным лиловым взглядом.

Когда Дэниел поднялся на поверхность, они оказались в другом месте, не там, где ныряли. Если раньше, поняла Люс, они видели перед собой затонувший собор – всего два одинаковых серо-зеленых башенных шпиля, – то теперь они были почти над центром церкви, где раньше пересекались бы коридоры в форме креста.

Теперь по бокам находились два длинных ряда высоких опор, которые когда-то поддерживали каменные стены длинного церковного коридора, от которых сейчас мало что осталось.

Перекрытия почернели от мха и были ниже, чем шпили башен. Поэтому их каменные своды едва достигали поверхности воды, тем самым образуя идеальные скамьи для группы из двадцати с чем-то изгоев, которые теперь окружали Люс и Дэниела.

Когда Люс узнала их – по полам их коричневых пальто, бледной коже и мертвым глазам, – она подавила вскрик.

– Привет, – сказал один из них.

Это был не Фил, вкрадчивый изгой, сначала притворившийся парнем Шелби, а потом начавший битву против ангелов на заднем дворе родителей Люс. Она не заметила его лица среди изгоев, там были лишь пустые апатичные существа, которых она не узнавала, да и не хотела знать.

Падшие ангелы, которые не могли определиться. Изгой в каком-то смысле были противоположностью Дэниела, который отказался выбирать чью-то сторону, выбрав Люс. Изгнанные с Небес за нерешительность, ослепленные Адом, не видя ничего, кроме тусклого света душ, изгой были тошнотворным собранием. Они смотрели на Люс так же, как и в последнюю их встречу. Их жуткие пустые глаза не могли видеть тело, однако чувствовали какую-то ценность в ее душе.

Люс ощущала себя пойманной и беззащитной. От ухмылок изгоев вода стала холоднее. Дэниел подплыл поближе, и он почувствовала прикосновение чего-то гладкого к спине. Он раскрыл крылья под водой.

– Я бы не советовал вам пытаться сбежать, – протянул изгой позади Люс, словно ощутив движение крыльев Дэниела. – Один взгляд должен убедить вас в нашем превосходящем количестве. Нам понадобится всего лишь это. – Он открыл плащ, показывая ножны со звездными стрелами.

Изгой окружили их, устроившись на каменных останках затонувшего венецианского острова. Они казались высокомерными и убогими, с плащами, завязанными на талии, скрывая грязные, тонкие, как туалетная бумага, крылья.

Люс помнила по битве во дворе родителей, что девушки-изгои были такими же грубыми и жестокими, как и парни. Это было всего несколько дней назад, но казалось, что прошли годы.

– Но, если хотите попробовать... – Изгой лениво натянул стрелу, и Дэниел не смог сдержать дрожь.

– Тихо! – Один из изгоев встал, поднявшись на опоре. На нем был не плащ, а длинная серая мантия, и Люс ахнула, когда он потянулся и убрал капюшон, открывая свое бледное лицо. Он был тем молящимся мужчиной в соборе. Он наблюдал за ней все время и слышал все, что она рассказала священнику. Должно быть, он последовал за ней сюда. Его бесцветные губы изогнулись в улыбке.

– Так, – прорычал он, – она нашла ореол.

– Это не ваше дело, – крикнул Дэниел, но Люс расслышала отчаяние в его голосе. Люс все еще не знала почему, но у изгоев были какие-то планы на нее. Они верили, что она каким-то образом поможет их искуплению и возвращению на Небеса, но их логика ускользала от нее сейчас так же, как и во двореке родителей.

– Не оскорбляй нас своей ложью, – прогремел изгой в мантии. – Мы знаем, что вы ищете, а вы знаете, что наша миссия – остановить вас.

– Вы не видите всей полноты картины, – сказал Дэниел. – Не понимаете, что происходит на самом деле. Даже вы не можете желать...

– Чтобы Люцифер переписал историю? – Белые глаза изгоя вгрызались в пространство между ним и Люс. – О да, в действительности нам бы это очень подошло.

– Как вы можете так говорить? Все – мир, мы сами, какими мы себя знаем, – будут уничтожены. Вся вселенная, все сознание – исчезнет.

– Ты правда думаешь, что наши жизни последние шесть тысяч лет стоят того, чтобы их сохранить? – Глаза их лидера сузились. – Лучше быть стертыми. Вернуть все к моменту нашего выбора. В следующий раз... – Он снова направил свои слепые глаза на Люс. Она видела, как они двигались в глазницах, сосредотачиваясь на ее душе. И это обжигало. – В следующий раз мы не вызовем гнев неба таким бессмысленным образом. Нас примет назад Трон. В этот раз мы перетасуем карты. – Его слепой взор задержался на Люс. Он улыбнулся. – У нас будет... козырь.

– Ничего у вас не будет, ни сейчас, ни потом. Держись подальше, изгой. Эта война важнее вас.

Изгой в мантии провел пальцами по звездной стреле и улыбнулся.

– Убить вас будет так легко.

– Армия ангелов уже на стороне Люсинды. Мы остановим Люцифера, а когда сделаем это, то разберемся и с такими ничтожествами, как вы, изгои пожалеют об этом моменте, как и обо всем, что сделали со времен Падения.

– В следующий раз изгои возьмутся за девушку с самого начала. Мы ее очаруем, как это сделал ты. Заставим ее поверить в каждое сказанное нами слово, как заставил ты. Мы изучили твои методы. Мы знаем, что делать.

– Глупцы! – воскликнул Дэниел. – Думаете, что будете умнее и храбрее в следующий раз? Думаете, что вообще будете помнить этот момент, этот разговор, свой гениальный план? Вы лишь снова совершите те же ошибки, что и в этот раз. Все мы так сделаем. Только Люцифер будет помнить о своих предыдущих промахах. А его цели служат только его низменным желаниям. Вы уж точно помните, как выглядит его душа, – намекнул Дэниел, – раз уж больше ничего не видите.

Изгои встали со своих гниющих развалин.

Люс услышала, как изгой позади нее тихо сказал:

– Я помню.

– Люцифер был ярчайшим ангелом из всех, – крикнул другой голосом, полным ностальгии. – Таким прекрасным, что это ослепило нас всех. – Они болезненно воспринимают свой недостаток, поняла Люс.

– Хватит ходить вокруг да около! – послышался громкий голос. Изгой в мантии, лидер этого собрания. – После перезаписи времен изгой снова будут видеть. Зрение сделает нас неуязвимее и мудрее, и мы вернемся к вратам Небес. Нам будет что предложить Прайс. Она поведет нас.

Люс поежилась рядом с Дэниелом.

– Возможно, *у всех нас* будет второй шанс для искупления, – обратился к ним Дэниел. – Если мы сможем противостоять Люциферу... нет причин, почему вы тоже не могли бы...

– Нет! – Изгой в мантии метнулся на Дэниела, его страшные потрепанные крылья широко раскрылись со звуком треснувшей ветки.

Крылья Дэниела развернулись вокруг его талии, и он отдал ореол обратно в руки Люс, поднявшись из воды для защиты. Лидер в мантии не мог противостоять Дэниелу, который поднялся в воздух и нанес боковой удар.

Изгой отлетел назад на двадцать футов, скользя по воде, как камень. Он выпрямился и вернулся на свою опору. Махнув бледной рукой, он показал остальным подняться в воздух.

– Вы знаете, кто она! – крикнул Дэниел. – Вы знаете, что это значит для нас всех. Хоть раз за ваше существование поступите храбро, а не трусливо.

– И как же? – бросил ему вызов изгой. Вода струилась с подола его рясы.

Дэниел тяжело дышал, глядя на Люс и золотой нимб, сияющий сквозь воду. Его лиловые глаза на мгновение наполнились паникой – а потом он сделал то, чего Люс никак не ожидала.

Он посмотрел глубоко в мертвые белые глаза изгоя, протянул руку ладонью вверх и сказал:

– Присоединяйтесь к нам.

Изгой издал мрачный и долгий смешок.

Дэниел не дрогнул.

– Изгой работают только на самих себя.

– Вы дали это ясно понять. Никто не просит вас становиться рабами. Но не будьте против нас в единственном правильном деле. Ухватитесь за эту возможность спасти всех, включая самих себя. Присоединитесь к нам в битве против Люцифера.

– Это обман! – крикнула одна из девушек-изгоев.

– Он хочет обмануть вас, чтобы получить свою свободу.

– Заберите девушку!

Люс в ужасе смотрела на изгоя в мантии, парящего над ней. Он приблизился, а его глаза жадно расширились, белые руки тряслись, когда он потянулся к ней. Ближе.

Ближе. Она закричала...

Но никто не услышал, потому что в этот момент мир *пошел рябью*. Воздух, и свет, и каждая частичка атмосферы словно разделились пополам, а потом собрались воедино с раскатом грома.

Это снова произошло.

Небо над темными пальто и грязными крыльями стало мрачным и серым, словно дым, как в последний раз в библиотеке «Меча и Креста», когда все начало трястись. Еще одно времятрясение. *Люцифер все ближе*.

Огромная волна захлестнула ее. Люс размахивала руками, крепко держа ореол и лихо-радно гребя, чтобы оставаться на поверхности воды.

Она увидела лицо Дэниела, когда громкий треск раздался слева от них. Его белые крылья метнулись к ней, но недостаточно быстро.

Все, что Люс увидела, перед тем как ее голова нырнула под воду, происходило словно в замедленной съемке: серо-зеленый шпиль накренился над водой, медленно приближаясь к ней. Его тень становилась все больше, пока он с грохотом не погрузил ее во тьму.

Люс очнулась, раскачиваясь как на волне: она лежала в кровати с матрасом, наполненным водой.

Красные занавески в стиле reticello¹⁰ были задернуты перед окном. Серый свет струился сквозь щели в изысканном кружеве, подсказывая, что сейчас сумерки. Голова Люс болела вместе с лодыжкой. Она повернулась на черных шелковых простынях и встретилась лицом к лицу с сонной девушкой с огромной копной светлых волос.

Девушка простонала и тяжело распахнула накрашенные серебряными тенями глаза, протянув обмякшую руку над головой.

– Ох, – сказала она. Увидев Люс, она удивилась намного меньше, чем сама Люс, когда увидела ее. – Сколько мы оставались там прошлой ночью? – пробормотала она на итальянском. – Эта была безумная вечеринка.

Люс дернулась назад и упала с кровати на белый плюшевый ковер. Комната выглядела как холодная пещера с затхлым запахом, темно-серыми обоями и кроватью в виде саней на огромном ковре в центре.

Она понятия не имела, где находилась, как попала сюда, чей халат на ней был, кто эта девушка и на какой вечеринке, по ее мнению, Люс была прошлой ночью. Она каким-то образом упала в вестник? Рядом с кроватью был стульчик, раскрашенный под зебру. Одежда, оставленная ею в гондоле, была аккуратно сложена на нем – белый свитер, который она надела два дня назад в доме родителей, и поношенные джинсы. Сбоку стояли ее сапоги, опираясь друг на друга. Серебряный медальон с вырезанной розой – она спрятала его в сапог, прежде чем они с Дэниелом нырнули в воду, – лежал на крутящемся стеклянном подносе на ночном столике.

Она снова надела его на шею и натянула джинсы. Девушка в кровати опять заснула, закрыв лицо черной шелковой подушкой, а ее светлые спутанные волосы разметались вокруг. Люс выглянула из-за высокого изголовья и разглядела у дальней стены два пустых кожаных кресла перед горящим камином и плоский экран телевизора над ним.

Где Дэниел?

Она застегивала второй сапог, когда услышала голос сквозь приоткрытые стеклянные двери напротив кровати.

– Ты об этом не пожалеешь, Дэниел.

Прежде чем он смог ответить, Люс открыла дверь и увидела его, сидящего на черно-белом полосатом диванчике в гостиной напротив изгиба Филадельфии.

Увидев ее в дверном проеме, Дэниел поднялся на ноги, Фил тоже слегка напряженно встал со своего стула. Руки Дэниела пробежались по лицу Люс, касаясь ее лба, который болел и, видимо, был покрыт синяками.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ореол...

– Ореол у нас. – Дэниел показал на огромный стеклянный диск с золотыми краями, лежащий на широком деревянном столе в соседней комнате. За столом сидел изгой, поедающий йогурт ложкой. Другой облокотился о стену в дверном проеме, скрестив руки на груди. Оба были повернуты лицом к Люс, но непонятно, знали ли *они* об этом. Она нервничала рядом с ними и чувствовала холодок в воздухе, но доверяла Дэниелу и его спокойствию.

– Что случилось с изгоем, с которым ты сражался? – спросила Люс, озираясь в поисках бледного создания в мантии.

---

¹⁰ Белое плетеное кружево (ит.).

– Не волнуйся из-за него. Лучше скажи, как *ты*? – Он говорил с ней так нежно, словно они были одни.

Она вспомнила, как шпиль церкви летел на нее, когда собор обрушился под воду. Помнила тень от крыльев Дэниела, когда они метнулись к ней.

– Тебя хорошо ударило по голове. Изгой помогли мне вытащить тебя из воды и принести сюда, где ты можешь отдохнуть.

– Как долго я спала? – спросила Люс. Была ночь. – Сколько дней у нас осталось...

– Семь дней, Люс, – тихо сказал Дэниел. Она слышала по его голосу, что он тоже чувствовал, как время ускользает от них.

– Ну, не стоит больше медлить. – Она взглянула на Фила, который наполнял их с Дэниелом стаканы чем-то красным из бутылки под названием *Samragi*.

– Тебе не нравится моя квартира, Люсинда Прайс? – спросил Фил, делая вид, что оценивающе оглядывает современную стильную комнату. Стены были покрыты картинами в стиле Джексона Поллока, но Люс не могла перестать смотреть на самого Фила. Его кожа казалась бледнее, чем раньше, а вокруг пустых глаз были темные круги. Ей становилось холодно каждый раз, когда она вспоминала, как его рваные крылья удерживали ее на заднем дворе родителей, готовые унести в какое-то далекое и темное место.

– Я, конечно, не очень хорошо вижу, но мне сказали, что декор комнаты понравится юным леди. Кто бы знал, что у меня появится тяга к смертной плоти после отношений с вашей подружкой-нефилимом Шелби? Ты встретила с моей знакомой в спальне? Она милая. Они все милые.

– Нам нужно идти. – Люс настойчиво потянула Дэниела за рубашку.

Остальные изгой в комнате напряглись.

– Уверена, что вы не можете остаться что-нибудь выпить? – спросил Фил, наполняя третий стакан красной жидкостью, которую не смог не пролить. Дэниел рукой остановил его и наполнил стакан содовой с грейпфрутом вместо того красного ликера из бутылки.

– Сядь, Люс, – сказал Дэниел, передавая ей стакан. – Мы еще не готовы уйти.

Когда они оба сели, два других изгоя последовали их примеру.

– Твой парень очень благоразумен, – сказал Фил, ставя свои грязные военные ботинки на мраморный кофейный столик. – Мы согласились, что изгой присоединятся к вам в попытке остановить Утреннюю Звезду.

Люс наклонилась к Дэниелу.

– Мы можем поговорить *наедине*?

– Да, конечно, – ответил за него Фил, неуклюже поднимаясь и кивая другим изгоям, – давайте передохнем. – Остальные исчезли вслед за Филом за крутящимися деревянными дверями, ведущими на кухню.

Как только они остались одни, Дэниел опустил руки на колени.

– Послушай, знаю, что они не твои любимчики...

– Дэниел, они пытались меня похитить.

– Да, знаю, но тогда они думали... – Дэниел сделал паузу и пригладил ее волосы, распутывая пальцами завиток, – они думали, что если преподнесут тебя Трону, то смогут загладить вину за свое старое предательство. Но теперь игра круто изменилась, частично из-за того, что сделал Люцифер, – и частично потому, что ты продвинулась в разрушении проклятия дальше, чем думали изгой.

– Что? – начала Люс. – Думаешь, я близка к тому, чтобы разрушить Проклятье?

– Скажем так, ближе, чем когда-либо, – ответил Дэниел, и что-то необъяснимое подскокило в Люс. – Если изгой будут помогать нам в борьбе с нашими врагами, ты сможешь сосредоточиться на своей роли.

– Помощь изгоев? Они устроили нам западню.

– Мы с Филом все обговорили и пришли к пониманию. Послушай, Люс. – Дэниел взял ее за руку и зашептал, хотя они были одни в комнате: – Изгои будут меньшей угрозой, будучи за нас, а не против. Они неприятные, но еще – они не способны лгать. Мы всегда будем знать, как обстоят дела с ними.

– Зачем нам вообще это нужно? – Люс с силой откинулась на полосатую подушку за спиной.

– Они вооружены, Люс. У них лучшее оснащение и превосходящее количество воинов, чем у любой другой фракции, с которой мы можем столкнуться. Может прийти время, когда нам понадобятся их звездные стрелы и численность. Вам не нужно быть лучшими друзьями, но они отличные телохранители и свирепые враги. – Он откинулся назад, взглянув в окно, словно там только что пролетело что-то неприятное. – А раз уж они все равно участвуют в этой гонке, то пусть лучше на нашей стороне.

– А если они по-прежнему думают, что я имею какую-то особую ценность или типа того? Дэниел мягко и неожиданно улыбнулся.

– Уверен, что они так думают. Многие так думают. Но лишь ты решаешь, какую роль сыграешь в этой долгой истории. То, что началось, когда мы впервые поцеловались в «Мече и Кресте», – было пробуждением твоей души, всего лишь первым шагом. И весь тот опыт, что ты получила, путешествуя по вестникам, сделал тебя сильнее. Этого изгои не могут у тебя отнять. Никто не может. И к тому же, – он улыбнулся, – никто не тронет тебя, пока я рядом.

– Дэниел? – Она сделала глоток грейпфрутовой содовой и почувствовала, как та шипит в горле. – А какую роль я сыграю в этой старой истории?

– Понятия не имею, – сказал он, – но не могу дождаться момента, когда узнаю.

– Как и я.

Двери кухни распахнулись, и бледное, почти красивое личико девушки появилось в проеме. Ее светлые волосы были зачесаны назад в строгий хвостик.

– Изгои устали ждать, – пропела она голосом робота.

Дэниел посмотрел на Люс, которая заставила себя кивнуть.

– Заходите! – Дэниел махнул девушке.

Они быстро зашли обратно, машинально занимая свои предыдущие места, кроме Фила, который подобрался ближе к Люс. Ложка поедателя йогурта неуклюже ударилась о его пластиковый стаканчик.

– Так он убедил и тебя? – спросил Фил, усаживаясь на ручку дивана.

– Если Дэниел доверяет вам, я...

– Как я и думал, – сказал он, – если изгои принимают чью-то сторону в эти тяжелые времена, то преданно держатся ее. Мы понимаем, *что* на кону, когда делаем этот... выбор. – Он подчеркнул последнее слово, спокойно кивая Люс. – Выбор стороны очень важен, ты так не думаешь, Люсинда Прайс?

– О чем он говорит, Дэниел? – спросила Люс, хотя подозревала, что и так знает.

– В наши дни все внимание приковано к равновесию сил Небес и Ада, – устало сказал Дэниел.

– После всех этих тысячелетий борьба почти завершилась! – Фил опустил обратно на диван напротив Люс и Дэниела. Он был оживленнее, чем раньше. – Если почти все ангелы объединятся с одной стороной, темной или светлой, и останется только один, неопределившийся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.